

ВИТАЛИЙ РАПОПОРТ

ПЕРЕСТРОЙКА

ПЕРЕСТРОЙКА

Виталий Рапопорт
ПЕРЕСТРОЙКА
Статьи

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1989

Vitaly Rapoport
PERESTROIKA
A Selection of Articles

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1989

Vitaly Rapoport: PERESTROIKA. Stat'i

First Russian edition published in 1989
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

Copyright © Vitaly Rapoport, 1989
Copyright © Russian edition
Overseas Publications
Interchange Ltd, 1989

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission

ISBN 1 870128 11 7

Cover design by Andrzej Krauze

Printed in Great Britain
by Caldra House Ltd, Hove, Sussex

ОГЛАВЛЕНИЕ

Камо грядеши, товарищ Горбачев? <i>Реплика историка</i>	7
Перестройка — конституция — демократия	33
Цена реформы	40
От мировой империи к государству?	57
Перед лицом неподатливой экономики	90

Не Горбачев странюю правит
И не Центральный комитет,
И „перестройка” не исправит
Итог семидесяти лет.

И „гласность” делу не поможет,
Трубя хоть тысячами труб,
Пока над всей страной вельможит
Набальзамированный труп.

Кирилл Померанцев

КАМО ГРЯДЕШИ, ТОВАРИЩ ГОРБАЧЕВ?

Реплика историка

Незаметно или, как в старину говорили нечувствительно, Михаил Горбачев очутился в фокусе мирового внимания. Три года назад никто о нем не слышал, а ныне в советском блоке, да и на Западе, с ним связывают самые сокровенные ожидания. Горбачев вернул из ссылки Сахарова и выпустил на свободу более сотни диссидентов. В Чехословакии и Румынии уличные толпы встречали его с явной симпатией. Студенты у берлинской стены кричали "Горбачев! Горбачев!", когда их разогнала восточногерманская полиция. Похожим образом вели себя крымские татары у другой стены — кремлевской; они скандировали "Горбачев — Родина!". Мос-

ковская милиция тоже в грязь лицом не ударила. Русские фашисты (есть и такие в Москве) вышли на улицу, чтобы оказать поддержку реформам Горбачева — так они во всяком случае заявили. Наконец, 19-летний пацифист преодолел всю советскую систему ПВО, чтоб обсудить с генсеком проблемы мира (пока что вместо аудиенции он получил четыре года лагерей). Повсеместно либералы и оптимисты без ума от нового вождя.

Фигура Горбачева приобретает былинные, мифологические очертания. Что это: новая надежда мира? продукт искусной пропаганды? Судить рано. Что можно и должно сделать — это установить точки отсчета, поместить его начинания в исторический контекст.

1

Горбачев начинал предсказуемо, с консолидации своей власти. Брежневских ветеранов гнали в шею, чтобы освободить посты для своих — процесс начался еще при Андропове. Затем, вдруг, был объявлен крестовый поход против пьянства. Давно пора, сказали трудовые советские женщины, мужики будут в получку больше денег приносить. Ученые предсказывали поправку народного здоровья и производительность труда. Но не все вышло, как задумано. Цену на водку сильно подняли, чтобы не ущемить интересов казны, но очереди в монополиях длинные — на несколько часов. Недавно сам Горбачев пожаловался: на местах восприняли борьбу с алкоголем как очередную кампанию, на производстве снова замечены нетрезвые трудящиеся. Генсеку, конечно, виднее...

Интересно другое. Если с неумеренным потреблением водки, которое сложным образом вплетено в народную жизнь, можно справиться посредством строгости, то

почему раньше никто не удосужился этого сделать? Неправильно говорить, что прецедентов вовсе нет. Я хочу указать на один.

Последнюю императорскую чету, царицу в особенности, очень огорчало безудержное пьянство подданных. Тогда, как и сейчас, существовала государственная винная монополия, ведало которой Министерство Финансов. Новому министру П. Л. Барку — он сменил графа Кокотца в начале 1914 года — то и дело напоминали о необходимости что-нибудь предпринять. Будучи исполнительным чиновником, Барк подготовил новый закон. Как несложно догадаться, он предусматривал повышение цен на водку. Мотивировка была такая: водка не есть жизненная необходимость, с повышением цены станут ее меньше покупать. Государственная Дума с министром согласилась, и указанная мера 27 июля стала законом. Это произошло на фоне других важных событий — надвигалась мировая война. 29-го была объявлена всеобщая мобилизация. Продажа спиртного *на время* мобилизации была прекращена. Царю этот случай показался подходящим, и 22 августа он высочайшим указом, без консультации с Думой, продлил запрет до окончания войны.

Россия, таким образом, раньше Америки ввела "сухой закон". Государственные умы того времени считали эту меру несвоевременной. 500 миллионов рублей, чистый доход от продажи водки, составляли одну четверть всех приходных статей государственного бюджета. Война принесла огромный рост расходов. Но это было не все. Денежные доходы крестьянства заметно выросли: во-первых, из-за инфляции поднялись цены на продовольствие, во-вторых, семьи мобилизованных солдат получали пособия от правительства (всего за время войны было выплачено по этой статье свыше 5 миллиардов рублей и

почти все эти деньги пошли крестьянам, составлявшим 85% населения). Итак, масса свободных денег сильно, иногда в несколько раз, увеличилась. Однако тогдашний рынок давал крестьянам очень скудные возможности для того, чтобы истратить эти деньги. Водка, как мы знаем, находилась под запретом. Другой важный предмет крестьянского спроса, кожаные изделия, почти исчез из оборота — все забирали военные поставки. Поэтому для сельского населения необходимость продавать свою продукцию с каждым днем ослабевала. Зачем, в самом деле, накапливать бумажные деньги, которые постоянно дешевели — всего за время войны количество бумажных рублей в обращении увеличилось в 6 раз.

По этим причинам в начале 1917 года обнаружилось серьезные трудности в продовольственном снабжении населения. В особенности это относилось к хлебу, который был главным продуктом питания для рабочих и мещан. Это еще не был настоящий голод. В стране имелось зерно, но крестьяне продавали его неохотно. Стоит вспомнить, что именно длинные "хвосты" у булочных создали атмосферу для массовых забастовок и демонстраций в Петрограде, которые привели к падению монархии.

Итак, сегодня ясно, что введение "сухого закона" внесло заметный вклад в ухудшение продовольственного снабжения. Я не говорю, что это может повториться, вовсе нет. Но когда без должного разума бросаются на обычай, крепко вросший в национальную психологию и быт, то можно ожидать любых неожиданностей. Кстати, что же пьянство, из-за которого все началось? Вот что писал в 1916 году финансист проф. Озеров:

"Пьянство продолжается, подпольная продажа спиртного производится беспрепятственно в отдельных кабинетах шикарных ресторанов. Винокуренные заводы

не способны удовлетворить спрос на алкоголь. Продавцы получают невероятные прибыли. В ход пошла домашняя химия для очистки денатурата, политуры и одеколona. Потребление спиртных напитков особенно процветает среди богатых классов. Государство просто отказалось от налога на алкоголь и не достигло успехов в подавлении его употребления”*.

2

Гласность больше, чем что-либо другое, ассоциируется с Горбачевым, это его фирменный знак. Термин существовал издавна, но получил новое содержание. Кампания за гласность началась сразу после Чернобыльской катастрофы — во всяком случае, только тогда она стала заметна.

Само трагическое происшествие на атомной станции не может быть поставлено в вину горбачевской администрации. Решение построить ядерный реактор (и, как утверждают, подземный завод по производству боеголовок) в густонаселенной местности, да еще вблизи водохранилища, снабжающего трехмиллионный город, это решение было принято давно. Даже если технические испытания, послужившие причиной взрыва, на первый взгляд представляются лишены смысла, то и здесь Горбачев не при чем.

Но дальнейшие события настораживают. Можно — с трудом — принять на веру, что население в зоне заражения много часов не эвакуировали по вине местного

* Цит. по: The End of the Russian Empire, by Michael T. Florinsky, N. Y., 1961, p. 44.

начальства. Но потом было еще хуже. С 26 апреля по 5 мая население Киева и окрестностей держали в неведении относительно радиоактивной опасности. Весь мир шумел, Европа волновалась, в Польше детям поголовно делали прививки, одни киевляне радовались жизни. Мало было и этого. 1 мая устроили массовую демонстрацию: на протяжении многих часов сотни тысяч жителей с детьми находились на открытом воздухе, т. е. были беззащитны против повышенной радиации. Только 5 мая киевлянам, наконец, сообщили, что опасность действительно существует, что по улицам лучше без нужды не слоняться, а детей и вовсе стоит увезти из города. А ведь перед этим на протяжении десяти долгих дней, когда радиация была во много (сотни?) раз выше, население заверяли, что беспокоиться не о чем. Почему? Случись такое на Западе, советские средства информации заявили бы, что имел место *геноцид*. Похоже, что так оно и было*.

В атмосфере наступившей гласности такие вопросы не обсуждаются. То, что гласность появилась или развернулась *после* Чернобыля, можно интерпретировать по-разному. Одно истолкование: гласность пустили в ход, чтобы отвлечь мировое внимание от Чернобыля. И это удалось, даже если первоначально такого намерения не было.

Другое вероятное объяснение: воспользовавшись чернобыльским шоком, Горбачев вырвал гласность у парт-

* Позднее в парижской газете "Русская мысль" появилось сообщение о том, как бесчеловечно использовали военнотружущих запаса из Эстонии на расчистке развалин в Чернобыле. Если это подтвердится, то мы имеем дело с опытами над людьми и еще одним актом геноцида.

аппарата. Это очень и очень могло случиться. Открытое обсуждение проблем и злоупотреблений *прошлого* очень на руку новым руководителям. Вне всяких сомнений, они хотят перемен, и гласность — сильное оружие против консервативных слоев правящего класса, номенклатуры. А потом избыток гласности можно и поубавить...

Многие теперь считают, что гласность достигла неслыханных масштабов. Мне это представляется спорным. В определенные периоды своей истории советский режим вовсе не боялся гласности. Стоит почитать протоколы съездов партии в двадцатых годах. Конечно, и тогда была тенденция сузить рамки дискуссий. На X съезде Ленин провел резолюцию "О единстве партии", которая запрещала фракции, платформы и группировки, однако обсуждать все еще можно было многое. На XV съезде оппозиция в последний раз смогла выйти на трибуну, но говорить ей уже не дали, это было в начале 1928 года. На двух последующих съездах ей разрешалось довольно остро критиковать безобразия государственных и хозяйственных органов, затем и это стало невозможно. На два десятилетия воцарился "аракчеевский режим". Доклад Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде (1956), хотя и был закрытым, но тем не менее начал новый цикл гласности. Для современников контраст был разительный: от полной немоты перешли к обсуждению отчаянно смелых, как тогда казалось, тем. Это было соизмеримо с пришествием Горбачева. Хрущевская гласность продержалась несколько лет, достигнув кульминации на XXII съезде (1961), потом пошла на убыль.

Сразу заметно, что гласность — это не то, что свобода слова в демократических странах, потому и употребляется особый термин. Партия сохраняет контроль над средствами информации. Она расширила круг

дозволенного, но по-прежнему "ведет собрание". Как и раньше, не принято обсуждать *кардинальные* вопросы советской жизни, такие, как отсутствие и невозможность политической демократии, неизбежность репрессий при социализме, национальный вопрос и многое другое. Московский партийный босс Борис Ельцин заявил без церемоний: ограничения и запреты на высказывания останутся — иначе наступит анархия.

Горбачевцы широко пользуются гласностью, чтобы дискредитировать своих соперников в аппарате — это главное ее применение. Еще они хотят внедрить на Западе новый, более "открытый" образ советской системы, но об этом ниже. При этом приходится, ничего не поделаешь, допустить более свободную атмосферу в стране. Нельзя же, в самом деле, провозгласить гласность и заткнуть всем рты, кроме начальства! Запад может не поверить.

Интересно посмотреть, как относятся к новинке различные группы населения. Основная масса, народ, как и полагается, безмолвствует. По веками усвоенной привычке простые люди встречают настороженно затеи начальства. Кто его знает, сегодня гласность, завтра безгласность, поэтому лучше не высываться... Творческая интеллигенция приняла новый порядок с энтузиазмом. Конечно, свободы выражения стало больше. Одно настораживает: в первых рядах активистов можно встретить личности, которые благоденствовали до дарования гласности, находясь под покровительством партийных и иных органов. Разного рода меньшинства — крымские татары, евреи, прибалты, верующие — тоже хотят использовать новую ситуацию в свою пользу. Пока что режим, чтобы не пугать Запад, дает им некоторую послабку, но с разбором. Фашиствующую демонстрацию не тронули вовсе, крымским татарам позволили поднять

свои лозунги, но потом срочно выслали из Москвы. Демонстрацию против антисемитизма заранее запретили, а при попытке провести ее самовольно — разогнали; но и то правда, что разрешили выезд определенному числу многолетних еврейских отказников.

В течение первого года гласности Горбачев, или его советники, пользовались ею весьма успешно. Еще ничего серьезного не сделано, но у многих создалось впечатление крутых перемен. Гласность, если применять ее умеючи, открывает для правительства много возможностей. Партия всегда внушала себе и другим, что слово есть дело, и за высказывание карала как за деяния. Теперь надо только не бояться выслушивать про себя неприятные вещи, тогда можно решение многих острых проблем подменить гласным обсуждением. Прежде не полагалось говорить, например, "мяса нет", это очерняло достижения социализма и бросало тень, выражались эвфемистически "продовольственная проблема". Нынче, когда населению разрешено жаловаться публично, бюрократам остается овладеть искусством находчивых ответов, вроде: "Я вам больше скажу, граждане, положение совсем швах. Мяса недостает со времен коллективизации, а если появляется на прилавках, то одни сплошные кости. Пора и т. д."

До сих пор издержки гласности выражаются в скромных цифрах. Кое-кого выпустили на свободу, допустили несколько демонстраций. Интеллигенции пообещали напечатать роман Пастернака, очень загодя объявили о публикации лояльного разоблачителя А. Рыбакова, что еще? Оживился культурный, научный и туристский обмен с капиталистическими странами. Переговоры о разоружении сдвинулись с точки замерзания. Это подводит нас к отношениям Горбачева с Западом.

Придя к власти, Горбачев приступил к наведению мостов с Западом. Первой оказалась Франция, но прицел был на Америку. Это была, по существу, традиционная советская дипломатия, но осуществлялась она по-новому — с помощью приемов "public relations". "Паблик рилейшнз" — неотъемлемая часть политической жизни на Западе, особенно в США. Кандидаты на выборах, политические деятели, разнообразные организации нанимают специальные агентства, функция которых создавать у публики благоприятный образ своих клиентов. PR-профессионалы имеют голос в такого рода делах, как: что говорить данному деятелю, с кем встречаться, как одеваться, какие шутки отпускать и т. п. Они также определяют, какую информацию о клиенте следует распространять, а какую утаивать. Советская пропаганда обратилась к этим методам еще при Андропове*. Дальше — больше.

Западу стали внушать, что Горбачев — не узколобый догматик вроде Громыко, а вполне современный деятель. Напирали на его возраст, инициативность, юридическое образование. В ход пошла информация о мадам Горбачевой: доктор наук, интересуется литературой, следит за западными модами.

Такая открытость (openness, как в США переводят гласность) не подразумевала, что о новом лидере рассказывают все без изъятия. Например, полностью замалчивался такой деликатный факт: Горбачев мог делать партийную карьеру в Ставрополе потому, что находился

* Тот подавался как потаенный либерал и западник, который пьет виски и слушает Глена Миллера.

под покровительством М. А. Суслова, махрового реакционера и антисемита. Тот же Суслов "устроил" Горбачева в секретари ЦК. (Равным образом про Шеварднадзе никогда не рассказывали, что он был одним из самых неумеренных льстецов покойного Брежнева.)

Поначалу Горбачев продемонстрировал в переговорах неуступчивость и цепкость, потом вдруг начал предлагать компромиссы, перехватил у президента Рейгана идею "нулевого" уровня ядерных вооружений, словом, пустился во все тяжкие. Почти каждую неделю Запад получает новые доказательства миролюбия советской стороны. Совсем недавно американских конгрессменов даже повезли в Абалаково на Енисее, где идет строительство сверхмощного радара.

Можно не сомневаться, что Горбачев добивается нового детанта. Что до причин, то их, по-видимому, больше одной, но главное следует искать в потребностях советского военно-промышленного комплекса. Даже достигнув паритета ядерных вооружений с США, советское руководство, не чувствует себя комфортабельно. Рональд Рейган, как и обещал, провел перевооружение армии и флота. Американские ракеты среднего радиуса размещены в странах НАТО — вопреки яростным усилиям Советского Союза. В то же время оборона самого СССР не создает впечатления неуязвимости. Особенно от нападения с воздуха. Советские средства ПВО показали себя с невыгодной стороны в Ливане; судя по полету Руста, они и на территории Союза действуют не лучше.

Вдобавок президент Рейган выступил с идеей стратегической противоракетной обороны, что ставит СССР в особенно незавидное положение. Многие эксперты говорят, что перехват межконтинентальных баллистических ракет — это научно-технический блеф, но СССР от этого не легче. Он не может себе позволить ничего не делать в

этом направлении. Что если в этой инициативе имеется что-то реальное? Ведь тогда упущенного времени не воротишь. Еще вероятнее, что такая цель в полном объеме не будет достигнута, но в процессе исследований будут получены другие важные для противоракетной обороны результаты. Так или иначе, начинается новый этап гонки вооружений, к которому Советский Союз подготовлен плохо. Экономика страны перенапряжена, промышленность продолжает плестись в хвосте капитализма.

Советский Союз всегда обращался к Западу, когда ему нужно было перевооружить промышленность: в годы первых пятилеток, в пятидесятых и снова в семидесятых годах. И каждый раз, когда ощущается потребность в крупных поставках оборудования, советских лидеров охватывает приступ острого миролюбия. Начинаются разговоры о мирном сосуществовании (Хрущев), или о разрядке (Брежнев), или об ослаблении напряженности (Горбачев). *В прошлом*, когда планы закупок были более или менее выполнены, советские вожди становились менее сговорчивыми. Во времена детанта советское добродушие было связано с величиной резервов твердой валюты. Товарообмен с Западом не получился, а за все приходилось платить долларами; когда их осталось мало — незачем стало обниматься и целоваться в засос...

Горбачев, вполне возможно, искренне хочет не допустить усиления гонки вооружений. Ему остается тогда нарушить традицию... В любом случае советское руководство прилагало много стараний, чтобы улучшить взаимопонимание, а следовательно и торговлю с Западом. Сколько продлится этот период задабривания капитализма, сказать не берусь. Сегодня советско-американские отношения, скорее всего, находятся на восходящей ветви цикла. Вот-вот будет подписано соглашение об

ограничении ядерных вооружений в Европе, в этом году Горбачев должен приехать в США.

В этом месте я хочу позволить себе историческое отступление. Цель его самая скромная. Это не попытка предсказания, а всего лишь иллюстрация. Любые аналогии остаются, таким образом, на совести того, кто их проводит.

В 1898 году появилась книга "Война будущего". Это было монументальное сочинение в шести томах, где обсуждался прогресс вооружений и возможности обороны. Выводы были такие: войны больше не могут служить в качестве инструмента для разрешения споров между великими державами, они не будут приводить к окончательным результатам. Вооруженные конфликты будут длительными и кровопролитными; они будут изнурительными и тотальными, то есть потребуют напряжения всех ресурсов стран и приведут к экономическому истощению и социальным сдвигам. Это был шок для мировой общественности, которая верила в беспредельный прогресс.

Выпустил книгу Иван (Жан де) Блох, варшавский банкир из крещеных евреев. Некоторые считают, что ее написали наемные "теневые" авторы. Важно, однако, что Блох был близок к С. Ю. Витте, всемогущему тогда министру финансов. Витте был потрясен. Он убедил Николая II выступить с инициативой мирной конференции. (В этом имелся также практический смысл: добиться ограничения вооружений, в частности запретить артиллерийские орудия больших калибров, которыми Россия тогда не располагала.) Так началось движение за мир. Летом 1899 года делегаты из 26 стран собрались на Первую Гаагскую конференцию. Они легко договорились о принятии трех конвенций: о разрешении конфликтов мирным путем, о правилах войны на суше и на море. Во-

оружения ограничить не удалось, но выпущены были декларации, т. е. призывы о запрете а) бомбометания с воздушных шаров, б) удушающих газов, в) разрывных пуль.

Во Второй Гаагской конференции (1907) приняли участие представители 44 стран. Они приняли конвенцию о принципах международного права и призвали к созданию соответствующего суда. Проблема разоружения осталась нерешенной. Договорились о созыве следующей, Третьей, конференции, но она не состоялась из-за мировой войны.

4

Гласность, борьба с пьянством, ослабление гонки вооружений — все это только средства для достижения цели, которая именуется *совершенствование социализма*. В переводе на обыденный язык: вытолкнуть буксующую машину социализма из канавы стагнации, в которой она пребывает добрых два десятка лет. Еще — перевооружить промышленность, военную и мирную, поднять производительность труда, преодолеть техническую отсталость. Что-то щемяще знакомое. В тридцатых звали: догнать и перегнать, теперь: перестойка. С какой целью децентрализовать управление, свести к минимуму администрирование, поднять роль рыночных механизмов. Кто погорячее, те прямо режут: как при НЭПе.

Интересно, много ли они знают про НЭП. В пропаганде, а также в социальных науках, что в СССР одно и то же, этот период рисуют немногословно и туманно. Если верить советским букварям, то время от окончания гражданской войны до великого перелома, или революции 1929 года, было нарочно отведено для планомер-

ной подготовки следующего этапа. (Как в анекдоте: по улицам Древнего Рима шли демонстранты с лозунгами "Да здравствует феодализм — светлое будущее человечества!") Ленин назвал НЭП передышкой, но вскоре заговорил, что это всерьез и надолго. НЭП принес с собой отказ от немедленного, т. е. военного, коммунизма. Это было сделано под давлением обстановки в стране: крестьяне бунтовали — на Тамбовщине и в других местах, в Петрограде прокатились рабочие забастовки (власть говорила: *волынки*), матросы и солдаты подняли восстание в Кронштадте. Продразверстка и прямой товарообмен привели к параличу экономики. Пришлось назначить крестьянам налог в виде разумной доли урожая, восстановить торговлю и денежное обращение. Предприятия с числом рабочих не свыше 20 возвратили прежним владельцам. Крупная промышленность осталась в руках государства. Заводы и фабрики объединили в тресты, главным компасом которых была прибыль. Цены на промышленные товары устанавливались централизованно.

Новый закон о социалистическом предприятии, намеченный к введению в полном объеме в 1991 году, по существу нацелен туда же. Раз правительство хочет установить нечто, напоминающее НЭП, то полезно будет поговорить о том, что это было такое и что с ним случилось. Полная аналогия с НЭПом вряд ли возможна. Тогда подавляющее большинство жителей страны были *частники*. Крестьяне — четыре пятых населения — владели землей, имелись также нэпманы, в руках которых находилось 75% розничной торговли.

В период расцвета — тогда говорили *угара* — НЭПа многие пламенные большевики были недовольны, жаловались на буржуазное перерождение (вспомним роман Н. Островского). Но вот что писал советский чиновник,

который приехал в Москву из-за границы в 1930 году — через считанные месяцы после отмены НЭПа:

”После улучшений 1922-28 гг. Москва демонстрировала отталкивающие перемены. Каждое лицо, каждый фасад дома говорили о нищете, истощении и апатии. Магазинов почти не осталось, редкие витрины имели разоренный вид. В них стояли одни картонные коробки и жестянки, на которых торговые работники прилепляли ярлыки ”пустое” — это с отчаяния, не в насмешку. Одежда на людях была изношенная, немыслимого качества... Не хватало всего, особенно мыла, сапог, овощей, мяса, масла и любых жиров... Безработицы не было, в этом пропаганда на за границу не обманывала, но прожить на жалованье рабочего была самая трудная задача в мире”*

В жизни страны произошли колоссальные сдвиги. Сталин назвал их *революцией сверху* — весьма точно. Огромную власть в промышленности получило централизованное планирование. Термины *прибыль* и *хозрасчет* остались в языке, но потеряли смысл, во главе угла стояли *план* и *вал*. Нэпмана задушили.

Перемены в деревне были еще разительнее. Крестьянская земля перешла к колхозам, состоявшим под контролем государства. Свободному сословию земледельцев переломили хребет: наиболее культурных и зажиточных уничтожили физически, остальных перевели в полукрепостное состояние. Главной причиной этой революции был продовольственный кризис, когда власть не сумела получить всего необходимого ей хлеба от мужика. Тогда и родилось решение — всех поголовно в колхоз, а там

* One Who Survived, by Alexander Barmin, N. Y., 1945, pp. 196-197.

первая заповедь: ссыпать зерно в закрома Родины. Что остается, если остается, идет колхозникам, людям.

Итак, НЭПу предшествовала разруха, после него пришел всем знакомый социализм. Что же такое был сам НЭП? Хорошо это было или плохо?

Новая экономическая политика была введена весной 1921 года. Положение с продовольствием в стране было скверное. Но и с принятием нового курса лучше стало не сразу. Жестокая разруха в Поволжье, на Урале, Кубани и части Украины привела к голоду. Ленину терять было нечего и он прибег к гласности: на весь мир запросил о помощи. На протяжении 1921 и 22 годов голодало 33 миллиона человек, 5 миллионов умерло. Но число жертв было бы еще больше, кабы не американская помощь: летом 1922 года АРА (American Relief Administration) кормила 10 миллионов человек*.

Урожай 1922 года поправил дело. Цены на продовольствие сильно упали, однако промышленные товары оставались очень дорогими. Троцкий предсказал, что такой расширяющийся разрыв — он сравнил его с раскрытыми ножницами — создаст неустойчивость на рынке. Так и случилось после хорошего урожая 1923 года. Разразился кризис. Крестьяне везли хлеб на рынок, но промтоваров не покупали — из-за высоких цен. Государственная промышленность не могла в тех условиях существовать без прибыли. Пришлось снижать цены административным путем. Обнаружилось, что экономический механизм НЭПа не может функционировать самостоятельно, без вмешательства государства.

В 1924 году урожай был неважный, и роли поменя-

* Russia. A History, by Sydney Harcave, Chicago, Philadelphia, New York, 1953, p. 504.

лись. Теперь крестьяне не хотели продавать зерно заготовителям по т. н. *лимитным*, то есть предельным для государственных организаций, ценам. Весь хлеб уходил на вольный рынок, где цены были намного выше. Власть предрешающие решили было поприжать свободную торговлю, но вовремя спохватились и удвоили лимитные цены. Это предотвратило кризис.

1925 год принес рекордный после революции урожай. Спрос на многие промтовары повысился, но правительство не разрешило поднять на них цены, памятуя о "ножницах". Товары исчезли с прилавков, крестьяне стали продавать меньше зерна. Планы экспорта пришлось урезать.

Следующий год, 1926/27, прошел на хозяйственном фронте относительно спокойно. Товарообмен между городом и деревней уравнился. Весной 1927 года были снижены на 10% цены на все промтовары — в ответ на падение сельскохозяйственных цен. Это был серьезный, как вскоре выяснилось, просчет.

Урожай 1927 года был ниже предыдущего всего на 5 с лишним процентов, однако уже в ноябре-декабре появились зловещие признаки: закупки зерна составили всего *половину* от прошлогодних. Это грозило голодом в городе и сельских районах, не имевших своего хлеба. Тому было несколько причин. У крестьян скопились некоторые деньги, но купить на них было нечего: полки магазинов зияли пустотой, чему немало способствовало снижение цен. Наконец, цены на молоко и мясо были сравнительно выгоднее цен на зерно.

Советская власть стояла перед тяжелым выбором, но у нее были, конечно, средства, чтобы мирно, как в предыдущие годы, разрешить кризис. Она предпочла *насилу*. Хлеб брали с помощью конфискации (т. н. "сибирский метод") и контрактаций (круговая порука всей

деревенской общины). НЭПу оставалось жить недолго. В 1928 году урожай был снова ниже, чем в 1926, и политика изъятия зерна продолжалась. Благодушные разговорчики о "мирном вращении в социализм" были забыты. Кризис перерастал в открытое противостояние. Государство требовало: отдай хлеб! На что мужик тихо сопел: не хочу жить впроголодь.

Обратимся к статистике. В 1913 году урожай зерновых был несколько выше 80 млн. т, в 1926 — 76,8 млн. Разница только на первый взгляд представляется пустяковой. Население страны выросло на 15 млн. человек, но в то же самое время круто упала *товарность* зернового хозяйства: в 1926 году товарное зерно во внедеревенском обороте составило приблизительно 10 млн. т — всего лишь половину от уровня 1913 года. Почему? Можно указать на такие факторы: увеличилось число едоков, в целом крестьяне стали питаться лучше, повысился процент зерна, уходившего на корм скоту. Власть все это мало интересовало. Ее главная забота была — *товарный* хлеб, тот самый, которым она кормила город и армию и еще собиралась оплачивать гигантские закупки оборудования из-за границы. Цифры планов поднимались как на дрожжах. Оптимальный вариант пятилетки требовал, чтобы валовый сбор вырос с 73 до 106 млн. т, а товарность с 8 до 19,6 млн. т*.

Большевики знали, что удвоенного количества зерна крестьянин добровольно не сдаст. Зимой 1929/30 партия встала на путь насильственной коллективизации. Этим завершился краткий промежуток (1921-1929), когда российский крестьянин сидел хозяином на своей земле.

* The Socialist Offensive, by R. W. Davies, Cambridge, Mass., 1980, p. 66.

Экономика СССР в период НЭПа была *смешанного* типа. Она состояла из *частного* сектора в городе и деревне, *госкапиталистической* промышленности и *социалистических* органов управления. Эта система хозяйства функционировала лихорадочно, через перемежающиеся кризисы. Эксперименты со смешанной экономикой в других социалистических странах тоже малоутешительны. Раньше других начала Югославия. Сегодня результаты выглядят так: иностранный долг 17 млрд. долл., 7000 предприятий с 1,5 млн. рабочих стоят на грани банкротства, число безработных около миллиона — свыше 15% рабочей силы*. Долгое время Венгрия была источником вдохновения для советских мечтателей. Но это в прошлом, сегодня инфляция съедает практически все экономические результаты. Только что, в июле, произошло крупное повышение цен, а венгерский премьер снова призывает население "затянуть пояса", предупреждает о снижении реального жизненного уровня и трудностях безработицы**.

НЭП сопровождался тяжелой, можно сказать массовой, безработицей. В деревне она принимала вид скрытого перенаселения, я этого касаться не буду. В городе число людей, безуспешно искавших работу, было очень велико. Правительство старалось приуменьшить масштаб несчастья. Правила регистрации на биржах труда постоянно ужесточались, чтобы допустить туда как можно меньше безработных. В Саратове даже завели категорию "кандидатов в безработные". Биржа регистрировала лишь тех, кто имел за плечами кандидатский

* The New York Times, 1987, Sept. 10.

** The New York Times, Sept. 16.

стаж и, помимо того, дефицитную специальность*. В таких городах, как Ленинград и Архангельск, регистрировали только членов профсоюза, так что шутка Ильфа и Петрова имела горький привкус. Получить профсоюзный билет могли далеко не все. Этим отсекались: молодежь, впервые вступавшая на рынок труда, пришельцы из деревни и т. н. буржуазные элементы.

Сводная статистика безработицы не печаталась. Вот несколько цифр, взятых из советской публикации более позднего времени. В 1927 году в промышленности было занято 2,5 млн. человек. Число зарегистрированных безработных составило 1.041.00**. Конечно, не все в этой группе были промышленные рабочие, но не забудем также, что зарегистрированные были только малая часть тех, кто не имел работы. Социального страхования по безработице не существовало. В ряде городов зарегистрированным лицам иногда выплачивали небольшие пособия.

Среди тех, у кого была работа, лучше всех были обеспечены буржуазные специалисты — инженеры, экономисты, финансисты и т. д. Они получали высокие оклады, в десятки раз превышавшие заработок рабочего. Власть, однако, относилась к ним с подозрением: вскоре их чуть ли не поголовно зачислили во "вредители". Руководителям промышленности тоже платили хорошее жалованье, но как члены партии они были обязаны все деньги сверх "партмаксимума" отдавать в партийную

* См. Е. Мохов. Организационное состояние и деятельность бирж труда. "Вопросы Труда", 1925, № 10.

** Л. С. Рогачевская. Из истории рабочего класса СССР в первые годы индустриализации, 1926-27, М., 1959, сс. 55-57.

кассу. Это правило не всегда строго исполнялось. Кроме того, партийцам давали пропуски в закрытые "распределители", где цены были низкие. Что касается *гегемонов*, рабочих, то их в распределители не направляли. Они жили сносно, особенно по сравнению с военным коммунизмом и первыми пятилетками. Вот дневной рацион взрослого члена рабочей семьи в 1927 году: 656 г пшеничного хлеба, 275 г ржаного, 10 г масла, 167 г мяса (вместе с костями), 60 г сахара и конфет*. Мы видим, что диета включала почти 1 кг хлеба в день, но разнообразием не блистала.

Первая пятилетка положила конец массовой безработице. Часть резервной рабочей силы забрали новые заводы, но одного этого было бы недостаточно. Главный фактор был социализм. Теперь можно было набирать больше рабочих, надо было только платить им поменьше. В дальнейшем полная занятость поддерживалась благодаря тому, что в промышленности рост совершается почти исключительно экстенсивно — за счет строительства новых цехов и предприятий.

Так продолжается до сегодняшнего дня. Если теперь сказать, что *прибыль* есть основной показатель производства, что убыточные предприятия следует закрывать, то первое, что приходит на ум, это безработица. Многие предприятия начнут избавляться от избыточной рабочей силы — чтобы увеличить прибыль или просто выжить. Что будет с уволенными в стране, где официально нет категории безработных? Похоже, что реформаторы не хотят об этом задумываться. Н. Шмелев в "Новом Мире" храбро заявил: ну и что, что безработицы! Мы на это пойдем ради развития экономики. Горбачев его попра-

* Рогачевская, ук. соч., с. 60.

вил: у нас социализм, мы этих людей переквалифицируем и т. д. Шмелев, конечно, взял руки по швам, но от таких речей веет ледяной черствостью. Ведь увольнять будут тех, кто постарше, или имеет неходовую профессию, или и то и другое. Что до переобучения, то правительство СССР, видимо, знает секрет. В США это удается очень редко...

Отсутствие безработицы — один из главных пунктов "общественного договора" между населением и Советской властью. Уровень зарплаты в СССР — один из самых низких среди промышленных стран, но трудящиеся могут рассчитывать, что не окажутся на улице. Это реальный социализм. Нарушение этого "договора" может принести стране социальную неустойчивость, а миллионам людей — личные трагедии.

Стабильность цен на то, что государство считает основой жизненного уровня — это еще одна характерная черта социализма. Цены на такие товары и услуги на протяжении многих лет поддерживаются неизменными с помощью субсидий. В дело пускаются изрядные суммы денег: в 1985 году субсидии на продовольствие достигли почти 55 млрд. руб. Этот механизм работает с оглушительным скрипом. Например, мясо купить очень трудно. Хлеб пока имеется и стоит недорого. В СССР благодаря субсидиям относительно дешевыми являются жилплощадь (в скудных размерах), общественный транспорт, школьные учебники, некоторые виды тканей и кое-что другое. С точки зрения теории такое положение глубоко ошибочное. Т.т. Сталин и Куйбышев, сотворившие эту систему почти 60 лет назад, крупно напутали. Беда только, что она укоренилась и все стороны жизни в СССР носят ее отпечаток. Одна из последних новинок состоит в том, чтобы передать ценообразование на многие виды промышленных товаров производителям, то

есть отраслевым министерствам. Легко угадать, что при этом произойдет. Министерства — это практически отраслевые монополии. В отсутствие конкуренции они будут всеми правдами и неправдами повышать цены, чтобы увеличить прибыли.

Замысел намечаемого в СССР эксперимента прозрачен. Он состоит в том, чтобы взять социальные преимущества социализма, помножить их на рыночную эффективность капитализма и потом уже жить, ни в чем себе не отказывая. Звучит превосходно, не правда ли? Остается доказать, что подобное возможно. Практическая сторона реформы выглядит бедно, убого для мероприятия такого размаха. Авторы ее ничего не придумали лучше, как вернуться к экономическим решениям многолетней давности. Методы сии были состряпаны наспех перед лицом "грозящей катастрофы", но за короткое время привели к другой, не менее страшной. Мне кажется, что источник вдохновения для реформаторов — легенда о золотых денечках НЭПа. Увы, она отражает только малую часть реальной картины. Конечно, на прилавках Елисеева дразнили глаз белужий бок, сыр со слезой и прочие вкусноты. Но миллионы людей жили впроголодь и, ложась спать, не знали, будет ли у них завтра кусок хлеба.

* * *

Нравится это нам или нет, но СССР вступил в полосу перемен. Горбачев со товарищи пришли к власти после продолжительной спячки, в которой советское руководство пребывало с середины семидесятых. Стагнация экономики началась еще раньше. Причины лежат глубоко. Похоже, что социализм выдохся и не имеет ни сил, ни стимулов для прогресса.

При Брежневе вождям было легко и покойно пребывать в руководящей дреме. В спину не дышали соперники из следующего поколения, потому что его не было — война вырубилa. Некоторые мужские возрасты начисто исчезли. У меня нет под рукой демографической статистики такого рода, да я и не уверен, что она опубликована, но пусть читатель поинтересуется, много ли среди его (ее) знакомых мужчин, родившихся в 1922 или 23-м.

Разрыв поколений усилил застой во всех сферах советской официальной жизни, включая руководство страной. Значительная разница в возрасте — Горбачев моложе Брежнева на четверть века — делала "молодых" легковесными соперниками. "Старики" до конца использовали свой шанс и длинной чередой умирали, не отходя от кормила (оно не всегда надежный *руль*, но уж точно *кормушка*).

Долгое пребывание на втором плане выработало у горбачевского поколения страсть к переменам. В советской действительности и так очень многое раздражает. А когда всем заправляют дряхлые старики, не допускающие ничего нового, то у людей помоложе начинается зуд реформизма, с годами всепоглощающий. Кажется, что все можно улучшить, надо только взяться как следует. Это чувство знакомо целому поколению.

Трудно сказать, что движет лично Горбачевым. Не исключено, что он хочет создать себе имя и успокоиться — такое случалось. Но вполне возможно, что он искренне стремится улучшить жизнь людей в СССР. Кажется, он знает пределы, которые переходить не следует. Горбачев как-то высказался, что любые перемены допустимы, если они идут на пользу социализму. Это не пустые слова. В сознании номенклатуры *социализм* — это прежде всего и главным образом власть *партии*, то

есть номенклатуры. Они, наконец, поняли, что пора отбросить многие жупелы, унаследованные от большевизма. Они готовы это сделать при условии, что не будет поколеблена их власть. Если дойдет до этого, они готовы на многое. Не знаю, на что способен Горбачев в защите своих братьев по классу, но если дрогнет, подставят плечо другие.

Реформаторы охотно говорят о необходимости перемен, но робеют перед системой тирании и привилегий, которая породила многое из того, что они хотят устранить.

Столетие приближается к заключительной декаде. В этом веке на долю России выпало слишком много испытаний: четыре революции, гражданская война, две мировых, массовые репрессии, голод... Сегодня многим кажется, что политический климат смягчился, кругом толкуют об улучшении жизни. Что это? Советский вариант 68-го года? Московский коммунизм с человеческим лицом? НЭП? Конвергенция с капитализмом? Никто не знает толком. Помните у Вертинского:

Будет это пророк, или просто обманщик?

И в какой только рай нас погонят тогда?

20 сентября 1987 г.

ПЕРЕСТРОЙКА – КОНСТИТУЦИЯ – ДЕМОКРАТИЯ

Первый рауд Горбачев выиграл. С этим трудно спорить. Пока шли пересуды о том, что она за зверь перестройка да выживет ли он как вождь, генсек, активно действуя на внутренних и международных фронтах, добился преимущества.

В проигрыше остались партийные ретрограды и в известном смысле диссиденты старого закала. С первыми он поступил как некогда московские князья с непопулярными боярами – бросил их под ноги толпе. Из партийной интеллигенции кто пошустрее срочно переориентировались и голосуют двумя руками за перестройку. Нормальный ход.

В отношении диссидентов была применена тактика выбивания почвы из-под ног. Многие из того, что делает Горбачев, всего несколько лет назад представлялось

ужасной крамолой. Он соблюдает советскую конституцию больше любого из его предшественников, он выпустил многих политзаключенных, допустил более свободное обсуждение острых проблем, расширил обмен людьми и идеями с Западом. Мало этого, он, похоже, намеревается закончить бесславную войну в Афганистане. Хотя это не совсем то и не совсем так, как это виделось героям диссидентского Сопrotивления, Горбачеву нельзя отказать в изобретательности и тактической сноровке.

Выхватывая у диссидентов лозунги и требования, генсек надеялся привлечь их на свою сторону, как и интеллигенцию в целом. Или, на худой конец, лишить влияния. Чего он, скорее всего, не ожидал, — это появления новых оппозиционных групп, особенно национальных. Гласность прикончила миф о дружбе народов. Когда малые национальности, ущемленные советской псевдоавтономией, заговорили о своих бедах и обидах, ситуация стала стремительно накаляться.

Поперву власти надеялись дешево отделаться. Уличные демонстрации крымских татар, евреев, прибалтов разгонялись не с такой жестокостью, как прежде. Западные корреспонденты успевали сделать снимки и записи. С помощью показной терпимости Горбачев набирал очки у кремленологов. Требования демонстрантов всерьез не брались. Достаточно вспомнить, что сталинский ихтиозавр Громыко был поставлен во главе комиссии по крымско-татарскому вопросу.

Нагорный Карабах открыл второй раунд перестройки. Маневры, недомолвки, прощупывания — все это пришло к концу. Разговор пошел всерьез: как быть с миллионом армян, вышедших на улицу? Последовали события в Сумгаите. Стало очевидно, что правительство не готово приступить к решению национальных осложнений.

Положение Кремля, прямо скажем, незавидное. Удовлетворишь армян, обидишь азербайджанцев. Так же страшна цепная реакция: немедленно посыпятся претензии других народов. Много лет советская власть насаждала и поддерживала национальную чересполосицу. Вот несколько примеров наудачу. Самарканд, населенный преимущественно таджиками, включили в Узбекистан (в 1945 им насильственно обменяли паспорта — записали узбеками); Бессарабию присоединили к Украине, а не к родственной Молдавии; Кенигсберг (Калининград), отнятый у немцев, записали в состав РСФСР, хотя он примыкает к Литве; в Азербайджане имеется район, населенный грузинами-мусульманами. Знающие люди без труда продолжают список. Еще хуже с народами, которые только и думают, что о самоопределении — вплоть до отделения.

Политико-административный тупик — только часть национальной проблемы. Не секрет, что в СССР права национальностей без территории обеспечены еще хуже, практически никак. Я имею в виду не только очевидные случаи — немцы, ассирийцы, евреи, крымские татары, поляки, корейцы. Есть еще одна категория. В Москве живет полмиллиона казанских татар, они лишены школ, библиотек, театров — элементарных условий национального существования. Точно так же обездолены миллионы украинцев вне Украины, армяне за пределами Армении и т. д. В СССР нет законодательной основы для охраны национальных прав.

Национальный вопрос не стоит особняком. Такое же положение со всеми другими правами — гуманитарными, социальными, экономическими. Так было всегда, с первых дней советской власти. Конституция писалась победоносной диктатурой. Цель была — рот заткнуть, во все не — дать права. Ничего не изменилось. Бесправие —

вообще не новость в Российском государстве. Действующая в СССР система правления ведет происхождение от Золотой Орды через Московское княжество и империю Романовых. Система живучая — ей пятьсот лет, она успешная — подмяла шестую часть планеты. Сегодня коммунистическая власть вступает в новую фазу — младотурецкую. Чтобы выйти из кризиса, руководство КПСС думает модернизировать и подлатать систему. Но речь не идет о партийной монополии на власть. Ради ее сохранения власть готова сделать уступки, но такие, которые можно, если потребуется, взять обратно. Сохранение монополии означает, что деспотизм останется, что не будет гарантированных прав.

Раньше были диссиденты — горстка борцов, которые шли на все ради выражения протеста, теперь возникла массовая оппозиция. Пестрая по составу, она активна, изобретательна, задириста. Чего у нее нет — это общей программы. Каждая группа имеет собственную цель, применяет свою тактику. Это естественно, но не продуктивно. Правительство может справиться с любой из групп по одиночке, даже не прибегая к суровым репрессиям.

Если оппозиция хочет добиться серьезных необратимых сдвигов, а не эффектных уступок, ей, видимо, придется менять образ действий. Полезно вспомнить прошлое. Крутые повороты истории всегда заставляли врасплох российскую интеллигенцию. Она довела до совершенства эзоповский язык, искусство подцензурного текста, но конструктивной программы у нее никогда не было. Наступал кризис деспотической власти, а оппозиция продолжала критиковать и выдвигать лозунги. Так было в 1861, в 1905, в 1917. Реформы всегда осуществлялись правительством, по инициативе правительства, по плану правительства. Интеллигенция ни-

когда не могла предложить *свою* программу реформ. Манифесты — в счет не идут. Реформа — не столько конечная цель, сколько пути ее достижения. В результате Февральской революции либеральная оппозиция получила власть. Вдруг обнаружилось, что кумирам интеллигенции нечего сказать по части реального переустройства России. Не зная ответов на насущные требования народа, они сколько могли оттягивали Учредительное Собрание. Тогда на гребне нараставшего недовольства большевики взяли власть.

Советский Союз переживает кризис — государственный, экономический, идеологический, военный. Трудно предсказать его исход. Если оппозиция хочет иметь слово в будущем устройстве России, от нее потребуется нечто большее, чем партийные программы. Они, эти программы, выражают частные, групповые интересы и углубляют раскол недовольных перед лицом власти. Последней только этого и надо. Оппозиция должна выставить *минимальные* требования, такие, которые для всех приемлемы. Этот всеобъемлющий документ будет не чем иным, как проектом Конституции Новой России. Велики трудности на этом пути, но это лучшее, что можно предпринять. Если люди могут договориться о принципах совместной жизни, создать справедливый закон для всех, в их бытие вливается новый смысл и новая надежда.

Конституционная реформа в СССР неизбежна. Упустит свой шанс оппозиция, власть возьмется за дело сама. У нее есть все необходимое: ученые адвокаты, печатные станки, аппарат пропаганды. Только населению нечего ждать от такого законодательства. Как и в прошлом, казенная конституция будет инструментом депотизма и принуждения.

Жители СССР лишены свобод, которыми давно пользу-

ются люди на Западе. Некоторые права (свобода слова, совести, собраний, ассоциаций и пр.) записаны в сталинско-брежневской конституции, но с оговорками, которые делают их символическими. Другие даже не упомянуты. Это прежде всего право на самоуправление — право решать вопросы своей жизни без согласования с наместниками центра (национально-культурное развитие, администрация, финансы, суд). Еще одно право, нужное как воздух, — экономическая самостоятельность. Оно покончит с государственной монополией на собственность и средства производства. Без этого свобода — химера. Человек имеет право зарабатывать на хлеб по своему усмотрению. Сегодня он — государственный батрак, в лучшем случае — оброчный мужик. Те, кто нуждаются в демократической конституции, должны озаботиться ее составлением. Правительство запишет в основной закон совсем другое.

Оппозиции придется преодолеть разногласия и соблазн громких слов. Проект свободной конституции позволит ей говорить другим тоном — уверенно, с достоинством. Семьдесят лет при малейшем проявлении недовольства нас брали за горло: Ты что? Против советской власти? Сегодня наш ответ: Отстаньте! Мы не за вас, не против вас. Мы хотим решать судьбы страны сами. Конституция станет ориентиром свободной мысли и оружием в борьбе с произволом власти.

Конституционная идея уязвима для критики с позиций исторического пессимизма. Как забыть, что в прошлом за каждой попыткой реформ обязательно следовала мрачная реакция. Все равно надежда остается, пока живы люди, думающие о лучшем, более справедливом устройстве жизни.

Новая фаза перестройки может укрепить советскую власть, другой возможный исход — демократия. Но это

не все альтернативы. Национализм – знамение нашего века. Слишком часто его становление порождает рознь между народами. После пролития крови вступают в действие инстинкты столь древние и глубокие, что оболочка цивилизации мгновенно отслаивается. "Ливанизация" СССР – угроза, которую страшно недооценить. Хаос необратим. Его нельзя попробовать и отбросить, если не понравится.

Для оппозиции настало время понять свою роль, недавнее Кельнское воззвание эмигрантской интеллигенции зовет ее к тому же*. Ей пора переходить к конструктивным действиям. Если она не хочет разделить судьбу своих предшественниц.

7 апреля 1988 г.

* Письмо группы эмигрантских общественных деятелей к советскому руководству, призывающее к более смелым реформам самой системы (изд.).

ЦЕНА РЕФОРМЫ

1

В Соединенных Штатах побывал академик Абел Аганбегян, экономический советник Горбачева. Деловые круги устроили ему насыщенный визит, стараясь показать машину американского бизнеса во всем суетливом величии. Советский гость выглядел подавленным. Похоже, размах операций, скорость изменений, шум и толкотня биржи его ошеломили. На вопрос, не стоит ли завести биржу в Москве, он ответил, что без нее спать спокойнее, но тут же добавил: Я не исключаю такой возможности.

Аганбегян сделал несколько заявлений относительно экономических целей, которые преследует советское руководство (см. "Нью-Йорк Таймс Магазин", 10 апреля

1988 г.). Нам нужен свободный рынок материалов, подчиняющийся закону спроса и предложения, — сказал он, но позднее, беседуя с Хедриком Смитом, выступил против частной инициативы в торговле зерном, нефтью и драгоценными металлами. Следовательно, свободу рынка нужно понимать с советскими ограничениями. В целом, академик — сторонник рыночного хозяйства: Мы собираемся заменить систему централизованного распределения факторов производства рынком, где будет все — от сырых материалов до потребительских товаров длительного пользования.

— Мы будем поддерживать частный сектор, — продолжал Аганбегян. Уже существуют 13 тысяч кооперативов и 300 тысяч семейных предприятий. Это дело будет развиваться. Со временем частный сектор охватит половину сферы обслуживания, треть общественного питания, 20% промышленности потребительских товаров, 40% сельскохозяйственного производства. В то же время частнику не позволят пользоваться наемным трудом: Мы — социалистическая страна. Мы не возражаем, чтобы люди богатели (чем не Бухарин!), но не допустим, чтобы наемный рабочий своим трудом создавал прибыль хозяину. Все по Карлу Марксу. Зато в СССР можно и должно создавать прибавочную стоимость, или продукт, для государства, фактически — для правящей номенклатуры. К которой, кстати, принадлежит Аганбегян. Логично.

Советское руководство крепко рассчитывает на частный сектор. Ему предстоит не только накормить-одеть-обуть-обслужить население, но и поглотить будущую безработицу. По прогнозу Аганбегяна, к 2000 году в народном хозяйстве из-за структурных сдвигов станут ненужными 16 миллионов человек. Одних переучат, других подберут частные предприятия. Очень складно.

До сих пор все новости были добрые: свободный рынок, частная инициатива, защита от эксплуатации. Имеются также проблемы. Перво-наперво, существующий аппарат управления. Этот он во всем виноват. Горбачев не раз говорил, что пора ударить по бюрократам. Аганбегян выступил в том же духе: Мы намечаем уволить от 30 до 50% министерских бюрократов. В ответ американская аудитория разразилась хохотом. Интересное заявление. Советская власть, коммунистическая партия — они хорошие, постоянно думают о народе. Все зло идет от бюрократов. Откуда они взялись? Развелись, как блохи или клопы, сами себя назначили. Как унтер-офицерская вдова... Можно, конечно, взглянуть на дело иначе. Коммунистическая партия прибрала к рукам материальные богатства страны. Чтобы распорядиться этой гигантской собственностью, потребовался соразмерный аппарат управления, партия его создала, наделив властью и привилегиями. Цели бюрократам ставила партийная верхушка, она же их контролировала, поощряла и наказывала. Бюрократы верно служат партии, к которой принадлежат практически поголовно, обслуживают ее интересы, себя тоже не забывают. Теперь Горбачев, Аганбегян и их единомышленники хотят свалить на министерскую бюрократию вину за развал экономики, направляют на нее население. Демагогически говоря, недурной ход.

Министерские чиновники не хотят петь гимнов по поводу своего упразднения. Отсталые люди, что с них взять! Ник. Шмелев с возмущением пишет в апрельской книжке "Нового Мира", что центральные министерства просто заменили одну форму административного контроля другой: "Государственные заказы сегодня пре-

вышают прежние плановые задания". Предприятия не получили желанной самостоятельности, перестройка страдает. В январе профессор Гавриил Попов заявил в печати, что, если эту тенденцию не пресечь, реформа станет фикцией.

Аганбегян подтвердил, что в 1989-90 гг. предстоит ценовая реформа. Мишка Квакин из "Тимура и его команды" не знал значения слова *ультиматум*, но сообразил, что бить будут. Сходным образом реформа несет *ощутимое повышение цен* — на продовольствие, жилье, транспорт. Недавно я привел размер государственных субсидий на продовольствие — 55 миллиардов в год (НРС, 5 ноября 1987 г.). Мой источник был нобелевский лауреат по экономике Василий Леонтьев (в 20-х годах сотрудник Госплана). Аганбегян назвал цифру покрупче: для поддержания стабильных цен на хлеб, молоко, мясо и прочее продовольствие государство ежегодно тратит 103 миллиарда.

Государство расходует, спору нет, но берет эти деньги у трудящихся. Цена труда в СССР куда ниже, чем на Западе. При социализме рабочим и служащим *не доплачивают*, не взимают налоги, а просто начисляют заработок по ставкам, заниженным во много раз. Делается это под прикрытием громких слов о коллективных фондах потребления — бесплатные блага, как медицина, образование и т. д. Сумма, названная Аганбегяном, дает частичное представление о размахе этих недоплат. Если принять для простоты, что в СССР 100 миллионов рабочих и служащих (это кроме колхозников), то с каждого удерживается в среднем 1000 рублей в год, 83 в месяц. Это только на продовольственные субсидии. Интересная получается ситуация: независимо от того, может ли гражданин *достать* свой среднестатистический паек, денежки уже наперед удержаны в казну. Привилегирован-

ные товарищи, имеющие доступ к источникам снабжения, покупают субсидированные продукты в больших количествах, чем народ, и получают двойную выгоду. Некоторые даже тройную. Не секрет, что номенклатура ест и пьет по столь низким ценам, что их приходится держать в секрете. А то, чего доброго, трудящиеся перестанут работать. От смеха. Или от зависти.

Реформаторам не нравятся субсидии, потому что они ослабляют действие рыночного механизма. Согласно Аганбегяну, в ближайшие два года намечено заметно уменьшить расходы по этой статье. Его спросили о возможных последствиях: не повторится ли то, что было в Польше, где 25 лет трижды при попытке повысить цены возникали кровавые волнения. Ответ: мы можем этого избежать, упорядочив зарплату. Аганбегян не стал вдаваться в подробности. Проблема, действительно, острая, даже взрывоопасная. Говоря языком советских газет, готовится наступление на жизненный уровень трудящихся.

Реально предположить, что за период реформы правительство хочет сократить субсидии примерно вдвое, из-за меньшего рисковать не стоит. В этом случае среднестатистический получатель зарплаты должен ожидать, что его расходы на еду возрастут на 40-45 рублей ежемесячно. Произойдет ли соразмерное увеличение зарплаты для всех? В это не поверят даже самые престарелые большевики. Нормальная советская практика состоит в том, чтобы подкинуть 10-20 рублей низкооплачиваемым категориям — 70-90 рублей. Это будет недостаточная компенсация. Как восполнить разницу, Аганбегян умалчивает. Среднестатистический труженик получает рублей 180. Для него 45 рублей — дырка в бюджете, которую можно заткнуть, лишь взяв вторую работу. Расчет простой. На еду, одежду, транспорт и прочее он тратит пол-

торы сотни в месяц, рад бы больше, но не достанешь — в стране товарный голод. Сбережений не хватит, чтобы справиться с повышением цен в результате реформы. Аганбегян, Заславская и прочие экономические гуру получают толстые академические оклады: академик-секретарь Отделения экономики имеет 1000 рублей в месяц, не считая пайков и прочих скрытых форм оплаты. Люди, оперирующие сотнями и тысячами, не ломают голову над пустяками вроде 30-40 рублей. Так называемым честным труженикам реформа принесет разорение и удлинненный рабочий день. А что будет с пенсионерами?

Из опыта других соцстран Аганбегян знает, к чему приводят подобные реформы. Венгрия — свежий пример. Поначалу население радовалось: появились товары, прежде невиданные. Но скоро заметили, что зарплаток недостаточно, чтобы свести концы с концами. Стало обычным делом иметь по две, а то и три работы. Даже это благополучие базировалось на зыбкой основе — для его поддержания правительство залезло в гигантские иностранные долги. С прошлого года экономика пошла под откос — инфляция, увольнения. Население предупреждают, что будет хуже. Аганбегян спокоен: Венгрия совершила ошибку, Горбачев ее не повторит. Имеется в виду: мы долгов делать не будем. Это не ответ на вопрос. У Аганбегяна на уме другое, более важное.

3

Застрельщики реформы, зная, что она принесет народу тяготы, идут тем же курсом. У них есть цели поважнее, словами Гамлета — магнит посильнее.

Стоит остановиться на главных целях коммунистической власти, я имею в виду реальные цели, не те, которые

пишут на заборах. Первая, важнейшая — это содержание и охрана правящего класса. Коллективный разум номенклатуры-партократии превосходно осознает эту цель. Когда они говорят о завоеваниях социализма, они подразумевают свои привилегии и меры их защиты. Вторую цель они именуют *обороной*, на самом деле она сводится по преимуществу к мировой экспансии: базы в других странах, военная помощь, подрывная деятельность, открытая экспансия — как в Афганистане. Цель номер три — идеология и пропаганда, коммунизм как государственная религия, тоталитарное промывание мозгов на пути от родильного дома до кладбища. Четвертая по важности цель — развитие экономики, чтобы обеспечить три предыдущих, а также поддержать жизненный уровень населения. Есть, конечно, и другие цели — здравоохранение, транспорт, охрана среды и т. д., но они для нашего разговора не важны.

Реформами не занимаются в поисках острых ощущений. Если верхушка нацелилась на радикальные перемены, следовательно, налицо серьезный разлад, какая-то из целей коммунизма под угрозой. Нетрудно сообразить, какая: конечно же, вторая, империалистическая. Нечем порадовать глаз, душу потешить. Израильтяне доказали бессилие советской противовоздушной обороны. Страны НАТО разместили ракеты ближнего и среднего радиуса — европейский шантаж Москвы потерял смысл. Хуже всего Афганистан.

Скоро девять лет, как "непобедимая и легендарная" демонстрирует бессилие перед бородатыми муджахидинами. В марте 1985 года с приходом Горбачева к власти активность советских войск значительно возросла. Новая метла чисто метет. Видимо, от нового хозяина поступил приказ добыть скорую победу. Атаки на партизан и мирных жителей продолжались до весны сле-

дующего года. К этому времени американский конгресс преодолел саботаж ЦРУ и госдепартамента: афганцев начали снабжать современным вооружением. До этого они, главным образом, получили советскую боевую технику. 26 сентября 1986 года муджахидины впервые применили ручное средство ПВО "Стингер" и сбили за день три вертолета МИ-24. Для советской авиации настали черные дни. На протяжении нескольких месяцев партизаны уничтожали в среднем одну боевую машину в день. На сегодняшний день счет устрашающий: потеряно не менее 270 самолетов и вертолетов. Советские дивизии в Афганистане были парализованы. Авиационные потери стали невыносимыми. Без воздушной поддержки пехота боится покидать города и укрепленные пункты. Военский пыл Горбачева угас. Он решил уносить ноги независимо от исхода дипломатических маневров.

Второй решающий аргумент, доказывающий отсталость советской военной машины, также поступил из Вашингтона. Любимое детище президента Рейгана, система стратегической обороны, грозит похоронить советскую стратегическую доктрину. Мировой блеф посредством межконтинентальных ракет становится неэффективным. Останется ли СССР сверхдержавой? Этот вопрос сегодня задают многие. Может ли вообще отсталая страна претендовать на эту роль? Приходят на память старые ярлыки: "колосс на глиняных ногах", "бумажный тигр"...

Военные неудачи — сильное побудительное средство для введения перемен. Александр II пошел на широкие реформы после провала в Крыму. Советская империя надорвала пупок в гонке сверхдержав. Она хочет сойти с дорожки для поправки здоровья. На время.

Много лет вдали себе и другим, что разрыв сокращается, что производство будто бы достигло половины

американского уровня. То, что США могут себе позволить, хотя и со скрипом, для Советского Союза оказалось невыносимым бременем. Пока толстый похудеет, тощий помрет... Афганистан просто довершил дело. Рональд Рейган рассчитал правильно. Изнуренный СССР притащился к столу переговоров с твердым намерением приостановить гонку. По старой памяти не могут обойтись без византийских ужимок, но цели ясны. Это миролюбие вынужденное. Боюсь, что с появлением ресурсов имперские амбиции дадут себя знать.

4

Столкнувшись с парализующей отсталостью системы, Горбачев и его партийное поколение постановили: перестроиться, модернизировать экономику и формы жизни. Чтобы не сойти во вторую лигу, как Англия и Франция. Объявили гласность, чтобы яснее видеть недостатки, заодно расправиться со стариками. Экономика – штука посложнее. Десятилетиями хозяйство страны развивалось вширь, экстенсивно. Прирост получали почти целиком за счет строительства новых предприятий. Отрасли, работающие на войну, подмяли мирную промышленность, лишили ее простора и средств для развития. Заодно и сами окостенели. Производительность труда замерзла на низком уровне.

Наступил предел этой ленивой жизни, надо суетиться, догонять, но в СССР интенсивно работать не привыкли: все равно больше не заплатят, только расценки поднимут. В этих условиях нужно приступить к подъему экономики.

Как ни заливаются трубадуры перестройки, но когда доходит до дела, конкретные меры пишутся грубой ад-

министративной прозой. Народ надо подтянуть. Объявили войну пьянству, это свелось к трехэтажным ценам и километровым очередям. Следующий этап – ценовая реформа. Если поднять цены, прикинули стратеги реформы, будут работать в поте лица, перекуривать станет некогда. С введением хозрасчета предприятиям невыгодно будет держать избыточную рабсилу, она пойдет на рынок труда, мы ее переадресуем, куда потребно народному хозяйству. Складно.

Очень бьет в глаза социальное лицемерие. Изобилие обещают в неопределенном будущем, но вкалывать изволь сегодня. Три года закручивания гаек не принесли пока экономических плодов. В большинстве городов по-прежнему действует система рационирования продуктов. Например, в Свердловске, откуда вышли в большую жизнь видные перестройщики Рыжков и Ельцин, имеются карточки на молоко, масло, колбасу. А вот на мясо карточки излишни, его выдают всего дважды в году, так что достаточно списков. Колбаса, как легко сообразить, к мясным продуктам не отнесена. С разворачиванием реформы трудящимся придется вкалывать больше прежнего, чтобы заработать этот скудный рацион.

Замаячил призрак массовой безработицы. Под элегантным предлогом структурных сдвигов Аганбегян намечает 16 миллионов лишних людей к исходу столетия. Надежды на переквалификацию и поглощение частным сектором суть красивые слова. Что если не все получится? Зная пристрастие коммунистов к социальной вивисекции, можно ожидать самого худшего. В добровольно-принудительном порядке массы погонят на возведение очередных пирамид коммунизма. Как это будет называться? Трудармии? Хозрасчетный ГУЛАГ?

Эксплуатация неизбежно усилится. Само собой, в государственном секторе – это одна из целей реформы.

Со своей стороны, кооперативы и семейные предприятия обещают все прелести первобытного капитализма. Кооперативы быстро превратятся в частные лавочки. Тот, у кого имеются деньги, будет хозяином, остальные — псевдопайщиками. Поскольку у последних не будет статуса наемных рабочих, из них можно жать масло без ограничений. Жаловаться можно только на самого себя, полноправного члена кооператива. В семейных фирмах будет беззастенчиво использоваться женский и детский труд. Множество детей бросит школу. Власти закрывают на это глаза. Охрана труда, даже в советском урезанном виде, им давно поперек горла.

Читатель может удивиться: Помилуйте! Что это вы все черной краской? Эти экономические принципы действуют в разных странах, и ничего — живут. Правильно, это капитализм, который не может существовать без соответствующей социальной структуры и законодательства, иными словами — демократии. Простые люди имеют возможность отстаивать свои права. Капиталисты, как им положено, жмут соки, но вынуждены платить. В СССР тоталитарный строй. Номенклатура обладает монополией на власть и монополией на собственность. Теперь она хочет установить монополистический госкапитализм, при котором не будет независимых профсоюзов и свободной прессы. Гласность — это послабка, но не свобода слова. В условиях монополии можно эксплуатировать, почти ничего не давая взамен.

Населению нечего ждать от такой реформы. Я не умею прорицать будущее, но думаю, опыт Польши, Югославии, Венгрии — достаточное предостережение. Можно также вспомнить Новочеркасск. Там, где царят скудость жизни, политическая нестабильность, национальная рознь, экономические эксперименты такого размаха могут привести к необратимым последствиям. Сегодня положение в

СССР трудное, госкапитализм вполне способен сделать его невыносимым.

5

Аганбегян носится по свету в поисках оптимальных решений. Нынешний визит в США — шестой по счету за последние годы. Еще он побывал в Японии, Западной Германии, Великобритании, Франции, Швеции и Австрии. Вдобавок можно в Австралию слетать на казенный счет, но можно дома посидеть, подумать. Реформа нужна, спору нет. Но народ ждет перемен, которые улучшат его жизнь, не загонят в новую кабалу. Направление этой честной, реальной реформы давно у всех на уме. Пора закрыть военно-феодалную лавочку, пора переходить к цивилизованным, современным формам хозяйства. Сладкая жизнь партийно-военно-промышленного комплекса, международные авантюры истощили ресурсы страны. Получил хождение горький анекдот. Сообщают, что население Эфиопии постоянно недоедает. Советские люди спрашивают: нельзя ли прислать нам то, что они не доедают.

Семьдесят лет население кормили обещаниями. Подошло время платить по векселям. Партократия не готова отказаться от монополии на власть, но похоже, ей придется поделиться собственностью с народом, который она столь горячо любит. Прежде всего следует вернуть крестьянам землю, да, да, передать в полную и безраздельную собственность. На первых порах часть земли останется у колхозов и совхозов, но крестьянам нужно дать достаточно пахотной земли и пастбищ, чтобы они могли вести хозяйство. Сельское население СССР сильно сократилось, земли хватит на всех.

Никакая реформа не поможет, если не сломать зако-
стенившие устои общества. Народу должно быть возвра-
щено исконное, естественное право, без которого свобо-
да и правопорядок не могут существовать. Граждане
вправе иметь собственность какую захотят: дома, экс-
каваторы, станки, верблюдов. Особенно средства произ-
водства. Это, конечно, право, не обязанность. Доценты
марксизма-ленинизма, прочие последователи Маркса и
Прудона могут, как и прежде, исповедовать свою рели-
гию, не навязывая ее, однако, остальным.

Процесс ценообразования, действительно, нуждается в
изменениях, но к ним нужно приступать *после* перемен
в социальной структуре. Если продовольственные субси-
дии слишком тяжелы для бюджета, то можно найти ис-
точники экономии в сфере внешнеполитической экспан-
сии. Афганистан, Куба, Никарагуа, Ангола, Вьетнам
обходятся в добрых 25-30 миллионов в день. Так что
пожертвовав пресловутым "интернациональным долгом",
можно сберечь ту же сотню миллиардов ежегодно. Вме-
сто насаждения потогонных семейных предприятий сле-
дует допустить свободные профсоюзы. Как в тех стра-
нах, куда летают набираться ума советские сановники.

Эта простая и очевидная реформа давно назрела.
Вопрос только, когда и как она произойдет. Лучше де-
монтировать Вавилонскую башню коммунизма загодя,
по плану, чем дожидаться, когда она рухнет, похоронив
под обломками миллионы. На протяжении нескольких
недель я наблюдал, как сносили дом в архитектурной
сутолоке Уолл-стрита. Длинный, узкий, как каланча,
корпус методично разбирали, начав сверху — этаж за
этажом. Все совершалось сравнительно тихо, буднично,
не угрожая окружающим. Что-то в этом есть. Но я, ка-
жется, дал волю воображению...

В роли архитекторов и глашатаев выступают три экономиста: Аганбегян (к нему тесно примыкает социолог Татьяна Заславская), Гавриил Попов и Николай Шмелев. С двумя первыми мне довелось сталкиваться, хотя и не близко. Аганбегяна я слушал на семинарах: в семьдесят третьем во Владивостоке и в Москве не помню когда. Он производил впечатление — эрудированный, интеллигентный, из тех, кого мы признавали нашим кругом. Разоблачая неэффективность советской системы, Аганбегян приводил красноречивые и рискованные подробности. Относительно путей улучшения он рекомендовал модные рецепты тех лет — вычислительные машины, экономико-математические методы. Это малость напоминало вечные истины типа пейте томатный сок, или слушайся папу и маму, но мы все были на этом уровне. По странной случайности, Гавриил Попов был моим первым оппонентом на защите кандидатской диссертации. Контакты были мимолетные, чисто деловые. Осталось ощущение начитанного, цепкого, напористого, очень неглупого профессора, искушенного в тонкостях диссертационной науки; проблем экономики мы в разговоре не касались.

У всех троих можно увидеть общую черту в биографии: они делали карьеру под высоким покровительством. Это помогало. Аганбегяна сделали полным академиком и директором института лет в 38, случай неслыханный для экономиста. Стоит добавить, что серьезных научных трудов за ним не числится, он чистый организатор или администратор науки. Поначалу его опекал академик и адмирал Аксель Иванович Берг, потом Аганбегян переехал в Новосибирск под крыло к Лаврентьеву.

Попов — тоже из ранних: в 36 лет был доктором и профессором не где-нибудь, а в МГУ. Его патроном был

Джермен Михайлович Гвишиани, заместитель председателя Комитета по науке и технике, а также зять Косыгина. Гвишиани не гнушался научных дел и очень скоро был произведен в академики по социологии (экзотическое имя он приобрел не из "Травиаты", а из недр советской истории. При рождении отец, известный чекист, назвал Дзержмен – в честь Дзержинского-Менжинского).

Шмелев появился на поверхности недавно, однако известно, что одно время он был зятем Хрущева. Видимо, при Горбачеве эти связигодились.

В последние годы брежневского правления Аганбегян и его люди вели себя несколько вызывающе. В СССР и за рубежом получил хождение резко критический доклад Заславской, оргвыводов, однако, не последовало. Недавно Тимур Тимофеев, директор Института рабочего движения (кстати, сын известного американского коммуниста Юджина Денниса), рассказал следующую историю. Однажды Аганбегян заявил А. Н. Косыгину, что его реформы не дают результатов, а страна страдает от скрытой инфляции (интересно, как сейчас?). Косыгин сделал ему выговор, на что Аганбегян дерзко ответил: Тов. Председатель, моя работа добывать эти цифры. Если хотите, проверьте их, и если они неверны, можете меня снимать... Аганбегян уцелел, но его больше не приглашали на совещания к премьеру. В рассказе имеется недостающее звено – высокий чин, взявший Аганбегяна под защиту. Судя по почерку, это был Андропов. Не исключено, что он запланировал эту вылазку. Будучи в США, Аганбегян был непрочь представить себя в качестве героя академического Сопrotивления. Он рассказал Хедрику Смиту, что в свое время получил 14 (!) выговоров за желание изучать математическую экономику.

Между этими тремя фигурами существует распреде-

ление обязанностей. Аганбегян занят стратегическим планированием. Попов осуществляет контроль за ходом реформы. Он постоянно пишет в газете "Социалистическая индустрия", обрушиваясь на противников реформы. Недавно он предложил, чтобы на июньской партконференции две трети делегатов представляли рядовых членов партии и только треть — аппарат; сдается, это позиция самого Горбачева. Шмелеву поручены контакты с интеллигенцией, он разъясняет и пропагандирует реформу в "Новом Мире".

Все трое никогда не замахивались на систему, на власть партии, только критиковали методы управления. Они пришли к двору Горбачеву, который усвоил многие их взгляды. Главный принцип: допустимы любые перемены, которые помогут сохранить господство партократии. Аганбегян, Заславская, Попов, Шмелев, некоторые другие никогда не стояли в оппозиции режиму. Они были *фрондой*: принимая существующий порядок, хотели его усовершенствовать, еще, конечно, как и положено фрондерам, стремились добраться до власти. Здоровое честолюбие — вещь полезная, беда только, что по мере разворачивания реформы эти люди все больше втягиваются в извечную работу империи — выжимание соков из населения. Боюсь, что их примеру последуют другие.

В СССР интеллигенция не может прожить, не служа государству. Но одно дело — зарабатывать на хлеб, другое — ходить в первых учениках, надевая народу новое ярмо.

Под знамена перестройки сбежалось немало профессиональных приспособленцев — от литературы, искусства и других идеологических ремесел. Зрелище неаппетитное, но привычное. Совсем скверно, если научно-техническая интеллигенция пойдет капитально ремонти-

ровать империю — не за страх, а за совесть. Печально и достойно сожаления, когда в сомнительные, антинародные предприятия вкладывают энергию и душу люди, которых мы привыкли уважать за интеллект, знания, порядочность, неучастие в гадостях. Других слов не подберешь.

23 апреля 1988 г.

ОТ МИРОВОЙ ИМПЕРИИ К ГОСУДАРСТВУ?

1

Диковинные вещи происходят в СССР. Начали уходить из Афганистана советские войска. Президент Рейган произнес перед студентами Московского университета речь об основах демократии. По улицам Иркутска демонстранты несли лозунг "Долой деспотию страха!". Совсем недавно такое невозможно было предсказать.

На Западе раздается множество рекомендаций в адрес Горбачева. Советуют снести Берлинскую стену, издать в Москве телефонную книгу на манер нью-йоркской, глушить "Голос Америки" вместо "Свободы"... Приезжие из Советского Союза в один голос надеются, что Горбачев продержится подольше, не наступит возврата к старому и не будет погромов. Что же все-таки

происходит: коренная ломка уклада жизни или очередная перекраска фасада? По моему убеждению, глубина, реальность, устойчивость перемен определяются тем, насколько они затрагивают основу существования СССР.

Здесь никуда не уйти от того, что советское государство — прежде всего империя. (Мне не нравится метафора "империя зла", она бьет на эмоции, но заслоняет историческую сущность и мешает анализу.) Речь идет о громадной империи — вроде тех, что сошли со сцены в нашем веке. Некоторые из них были недолговечны, как Германская и Японская, но Австро-Венгерская и Турецкая продержались полтысячелетия. Про советскую империю, наследницу Российской, про ее доктрину и структуру следует тоже говорить в историческом плане. После этого экскурса можно попробовать ответить на частый сегодня вопрос о перспективах перестройки.

Придя к власти, большевики занялись собиранием расползавшейся империи. Сразу же уточнили партийную формулу по национальному вопросу: право наций на самоопределение признается лишь, когда оно не противоречит классовым интересам пролетариата. Правительство Ленина любой ценой не хотело допустить независимости Украины, большевики вообще долго не признавали, что имеется такой народ — украинцы. Обратное присоединение Польши закончилось неудачей, благодаря этому сохранили независимость прибалтийские страны и Финляндия. Остальным частям империи повезло меньше. Северный Кавказ, Закавказье, Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток были силой возвращены под державную руку Москвы. К исходу 1922 года империя получила новое государственное оформление — Союз Советских Социалистических Республик. В тогдашней эмиграции евразийцы и сменовеховцы заметили, что Ленин и Деникин оба стоят за Единую и Неделимую.

В двадцатых годах Красная Армия была малочислена, вооружена чем попало, слаба. О внешней экспансии можно было только мечтать, все равно взгляды ведущих командиров и теоретиков — М. Н. Тухачевского, В. К. Триандафиллова, Н. Е. Варфоломеева, Г. С. Иссерсона — были активно-наступательные; это было навеяно агрессивностью коммунистической идеологии и опытом гражданской войны. Лучший военный писатель того времени А. А. Свечин именовал такую стратегию *сокрушением*: надо быть сильнее и быстрее противника в наступлении, достичь такой маневренности и огневой мощи, против которых никакая оборона не устоит. Сам Свечин, в числе немногих, исповедовал стратегию *измора*, стратегической обороны, которая имеет целью истощение противника за счет более умелого распоряжения всеми ресурсами — людьми, вооружением, экономикой, территорией.

Великой перелом 1929-33 годов принес коренные изменения в военной сфере. Экспроприировав мужика и частника, большевики смогли начать милитаризацию страны. Создавалась оборонная промышленность, армия оснащалась новым вооружением. Дискуссии о стратегии утихли, да и спорить особенно было некому. В 1930 Свечин среди других военспецов был арестован — по приказу Сталина и Ворошилова, при одобрении Тухачевского. (Кого интересуют подробности, см. нашу с Ю. Алексеевым книгу "Измена Родине", ОПИ, 1988, главы 11, 14, 15.)

Агрессивность доктрины усилилась. На оперативном уровне командиров обучали теории "глубокого удара", из которой много заимствовали немцы, Гудериан прежде всего. Повсеместно партия насаждала унификацию мнений. Конечно, не всякое лыко было в строку. Была создана внушительная линия оборонительных сооружений

на тогдашней польской границе. Литвинов от имени СССР пытался сколотить систему "коллективной безопасности" в Европе.

2

Во время репрессий 1936-38 годов офицерский корпус РККА понес непоправимый урон, от высшего командования мало что осталось. За наркомом Ворошиловым больше не стояли военные деятели крупного калибра. Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич, Халепский, Фельдман, множество других погибли, их сменили по преимуществу случайные люди. Начальник Генштаба Б. М. Шапошников был грамотный технар, но с малым опытом в стратегии, по складу характера огранически не мог противоречить начальству; Сталин высоко его ценил. Военные взгляды вождя стали обязательными и единственными, стержнем стратегии: 1) Красная Армия будет воевать малой кровью и обязательно на чужой территории; 2) чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей клочка не отдадим; 3) в тылу любого противника Красная Армия найдет поддержку в виде восстаний рабочих и крестьян.

Эти максимы вколачивались в сознание людей аппаратом пропаганды. В сорок первом многие искренне ждали, что пролетариат Германии вот-вот восстанет против Гитлера. В соответствии с доктриной, Коминтерн и входившие в него партии использовались, в первую голову, для шпионажа и диверсий. Тяжелые последствия принесло утверждение, что воевать придется только на земле противника. Оборона становилась делом излишним, даже постыдным. Командиров не обучали, как обороняться на стратегическом и оперативном уровне. Буду-

щим полководцам принципиально не преподавали... стратегию. Такого курса не было ни в Академии Фрунзе, ни в Академии Генштаба. Маршал А. И. Егоров был откровенен: "Ну, чем вы там будете заниматься? Планом войны? Стратегическим развертыванием? Никто вам этого не позволит..."

В начале 1939 года А. А. Жданов стал открыто рекламировать выгоды сближения с Германией. Сталин слушал с интересом. В мае сняли М. М. Литвинова: еврей, женатый на англичанке, сделавший себе имя на попытках объединить Европу против Гитлера и Муссолини, стал невозможен во главе советской внешней политики.

Большевики были германофилы со стажем. Во время мировой войны пораженец Ленин получал на партийные нужды деньги от германского Генштаба. В 1922 году РСФСР и Германия заключили договор в Рапалло – в пику версальским победителям. Сотрудничество во многих областях, включая военную, продолжалось, пока к власти не пришел Гитлер, провозгласивший антикоммунизм и завоевание "жизненного пространства" на Востоке. В 1934 году Москва начала заигрывать с нацистами (их упорно именовали фашистами – на манер Муссолини, с которым отношения были прекрасные). В докладе на XVII съезде Сталин сделал реверанс в сторону нового берлинского руководства, но фюрер не откликнулся. В пропаганде развернулась война слов. Уничтожая своих соперников по партии, Сталин клеймил их как "агентов гестапо", "прислужников германского фашизма".

В марте 1939 года, на XVIII съезде, советский вождем заявил, что англо-французы хотят столкнуть лбами Германию и СССР. Гитлеру давали понять: можно договориться. Развернулись закулисные маневры. Немцы в это время очень хотели знать возможную реакцию

Москвы относительно Польши, которой умиротворитель Чемберлен вдруг дал неограниченные гарантии. Гитлер увидел, что Сталин совсем непрочь поделить Польшу. Советская сторона только хотела соблюсти международную невинность. Начали с торгового договора, который был подписан Микояном и Шнурре 19 августа, через четыре дня Риббентроп был в Москве.

3

Кремль оказался перед трудным, судьбоносным выбором. Одно дело – рассуждать о мировой революции, которая когда-то будет, совсем иное – в несколько недель возобновить поход на Европу, захлебнувшийся в 1920 году. У Сталина, Ворошилова, Молотова, Жданова не было ни государственного ума, ни образования, ни жизненного опыта для принятия такого решения. Невежественные и самоуверенные, они располагали скудными познаниями в истории, стратегии, экономике, даже в географии. (Сталин до конца дней не верил, что Голландия входит в Бенилюкс.) Посоветоваться было не с кем. Кроме того, погибшие в репрессиях командиры вряд ли поддержали бы новый курс. Они широко сотрудничали с немцами в военно-технической сфере, учились в германской Академии Генштаба (Якир получил высшее отличие из рук самого Гинденбурга), но к гитлеровскому режиму относились с подозрением. В 1936 году Тухачевский предупредил генерала Гамелена: Гитлер неизбежно столкнется с СССР, но начнет с Франции.

Сталинские стратеги рассуждали примитивно-арифметически. Польша не устоит против удара с двух сторон – мало дивизий, отсталое вооружение. Дальше совсем хорошо: Прибалтика, румынские земли, Финляндия.

Были и другие планы. Что касается равновесия в Европе, геополитических последствий, то такие категории для Сталина не имели смысла. Вопреки пушкинскому совету, он погнался за дешевизной.

Фюрер не верил своим ушам: "Таким образом, я выбил из рук западных господ (Англии и Франции. — В. Р.) их оружие... Сталин пишет, что этот курс сулит большие выгоды обеим сторонам. Гигантский поворот всей европейской политики" (см. Дневник Гальдера, запись от 22 августа 1939 г.).

За радостями по поводу территориальных приобретений в Кремле не сразу заметили, как началась мировая война. Даже бездарная финская кампания не испортила настроения. Между тем, стратегическое положение СССР ухудшилось. Вместо буферной зоны теперь была общая граница с Германией от Баренцова моря до Буковины. Агрессор мог выбирать пункты вторжения по своему усмотрению, СССР должен был оборонять все 2000 километров новой границы, нигде не укрепленной — в отличие от старой. Сталин разрешил проблему в духе своей доктрины (не отдадим ни вершка своей земли). Войска должны были стоять *буквально* вдоль линии новой границы — со всеми ее извилинами. Приказ был идиотский, но его пришлось исполнять. Подвижная оборона не применялась. Отказались от использования сильных естественных препятствий, таких как река Неман в среднем течении, Августовский канал, река Бобр потому только, что они находились внутри советской территории. На границе поставили чертову уйму войск: 12 армий, отдельные корпуса и дивизии Одесского округа, две трети механизированных корпусов. Июнь сорок первого показал, что оборона была карточная.

Сталин и его люди все меньше понимали, куда развивается обстановка в Европе. Радуюсь поражению Фран-

ции, неудачам Англии, они думали, что пакт с Германией предотвратил вступление СССР в войну (потом стали говорить — отсрочил). Сталин видел, что Гитлер опасен, и на всякий случай готовился к войне, но не спеша: перевод промышленности на военные рельсы намечался на конец 1942 года. Как бы то ни было, думал советский вождь, мы в безопасности, пока держится Англия: Германия не рискнет воевать на два фронта.

В ноябре 1940 года Гитлер предложил Молотову поделить Британскую империю. С этой целью СССР приглашался вступить в союз с Германией, Италией и Японией, т. е. антикоминтерновский пакт. Сталин ответил согласием, но поставил предварительное условие о заключении пяти соглашений:

- Финляндия делает СССР уступки — без применения силы, но под германским нажимом;

- Болгария заключает с СССР пакт о ненападении, предусматривающий широкие уступки;

- СССР получает от Турции в аренду опорные пункты на Босфоре, границы Турции гарантируются только, если она присоединится к пакту;

- Япония откажется от концессий на Сахалине;

- будет определена советская зона влияния южнее линии Батуми—Баку.

Это были дерзкие, интересные планы. Сталин хотел с помощью тайной дипломатии добыть то, за что Россия воевала со времен Петра. Гитлер не согласился, он предпочел военные действия — и поскорее: "Особенно важен для разгрома России вопрос времени. Хотя русские вооруженные силы и являются глиняным колоссом без головы, однако точно предсказать их дальнейшее развитие невозможно". Эта война на два фронта затевалась... чтобы сломить Великобританию: "Англичан поддержива-

ет надежда на вмешательство русских. Они откажутся от сопротивления, когда будет разгромлена эта их последняя надежда”.

Гитлер, как часто бывает с агрессорами, просчитался, сделал безумный ход. От этого не меньше вина Сталина: в погоне за легкой добычей он втянул СССР в войну, к которой страна не была подготовлена.

4

Во время войны доктрина не изменилась. Летом сорок первого Сталин висел на волоске, но заявил британской делегации, что не откажется от прав на земли, взятые в 1939 году у Польши, из-за которой Англия ввязалась в войну. К тому времени, когда союзники начали делить мир в Ялте, ситуация в Европе изменилась в пользу СССР — так по крайней мере считали Рузвельт и его советник адмирал Лехи. В этом была изрядная доля реализма. Без Германии и Италии Советский Союз становился доминирующей державой на континенте. Рузвельт не хотел засиживаться в Европе. Сталин был ему нужен, чтобы добить Гитлера и победить японцев, а также в игре против Британской империи, которую президент считал помехой на пути Америки.

В Ялте Сталин получил на свою долю максимум возможного. Его распирало от гордости: подумать только, совсем недавно пытались кроить карту Европы в отсутствие СССР, на Мюнхенское совещание не пригласили! Видя слабость Великобритании, вождь мечтал о разделе планеты с Америкой, а там, кто его знает, и о мировом господстве.

Естественно спросить, как мог руководитель СССР думать о завоеваниях, когда страна потеряла десятки

миллионов жителей, множество городов и сел лежало в руинах, советские войска шага не могли ступить без американского снабжения? Немалую роль играла идеология, коммунизм. Большевики, ученики Маркса и Ленина, всегда стремились к экспериментам на живых людях, социальной вивисекции. Потери не имели значения, вспомним гражданскую войну, коллективизацию-геноцид, Большую Чистку. Они проводили массовое уничтожение людей в плановом порядке. Перед началом террора с помощью голода в коммунистических верхах обсуждался вопрос о ликвидации 5 миллионов классовых врагов.

Советские верхи не хотели знать реальных потерь в войне, в целях пропаганды их преуменьшали. Сначала объявили о 6 миллионах убитых, чтобы было как у немцев, затем в несколько приемов цифру увеличили до 10 миллионов. В пятидесятых годах бежавший на Запад полковник МГБ выдал кремлевский секрет: за войну погибло 20 миллионов солдат и мирных жителей. Кому тогда приходило в голову, что в действительности потери могут достигнуть 45 миллионов! Солсберри как-то заметил: "Сталин, Жданов и их помощники жили в мире, вывернутом наизнанку".

Насчет ленд-лиза Сталин был информирован во всех деталях, слал Рузвельту слезные депеши при малейшей задержке. Народ такими пустяками не беспокоили. До сих пор советская печать и историки лгут о значении американских поставок, не приводя реальных цифр. Дадим краткую их сводку.

Всего США доставили свыше 15 миллионов тонн грузов, стоимость в тогдашних ценах — 11 миллиардов долларов, гигантская сумма. На первом месте стояли автомобили и другие транспортные средства. СССР получил 427 тысяч грузовиков и запчасти к ним. Красная Армия передвигалась исключительно на "студебек-

керах” и ”фордах”. Для сравнения – в 1941 в стране было только 228 тысяч грузовиков, все, что удалось изготовить за 13 лет индустриализации плюс экспорт. О том, насколько отличались американские автомобили от советских, говорить не приходится: это была другая технологическая цивилизация. Прибыли также 13.303 бронетранспортера, 35 тысяч мотоциклов, 2.328 артиллерийских тягачей. Железнодорожный подвижной состав изготовлялся для советской колеи, которая шире американской: 1000 паровозов, 66 тепловозов, 9.920 платформ, 1.155 вагонов разных видов. Был доставлен огромный объем нефтепродуктов. Из-за стахановских методов производства советский бензин был едва ли чище американского керосина, от чего двигатели быстро выходили из строя. Помимо бензина и масла, из Америки поступали присадки, с которыми советский бензин можно было использовать даже в авиации.

Жизненно важную статью составляло продовольствие – 4,5 миллиона тонн. Мясные консервы, шпик, масло, яичный порошок, зерно, шоколад приходили в добротной упаковке, обеспечивающей длительное хранение. Трудно сказать, сколько голодных смертей предотвратили эти американские продукты, но наверняка многие миллионы. Поставки также включали медикаменты, промышленное и лабораторное оборудование, одежду, белье. В последний год войны советская сторона запросила и получила 5 миллионов пар хромовых сапог. Они достались номенклатуре, не солдатам.

Сталин рассчитывал, что с окончанием войны место американской помощи займут контрибуции побежденных стран, которым предстояло заплатить за восстановление СССР. Он потребовал наложить на Германию огромные репарации в размере 20 миллиардов долларов, половину в свою пользу. Союзники сомневались в ре-

альности такого обложения. СССР пришлось согласиться с американским предложением, чтобы каждый победитель взымал репарации со своей зоны. Этим был закреплен раздел Германии. Советские оккупационные власти приступили к вывозу всего, что имело малейшую ценность. Демонтировались практически все уцелевшие предприятия на востоке Германии — оптические заводы Цейсса, химия, завод рентгеновского оборудования, множество других, положивших начало новым советским отраслям. В СССР шли эшелоны с мебелью, автомобилями, одеждой, домашней утварью, часами, ювелирными изделиями, аккордеонами. Сановники везли трофеи вагонами, от них не отставал высший комсостав, солдатам разрешались скромные посылки. Германские товары заполнили толкучки. Советские гранд-дамы щеголяли в шелковых ночных сорочках, которые они принимали за вечерние платья.

В Потсдаме союзники смогли договориться о немного, но завязали два исторических узла: СССР получил Кенигсберг и часть Восточной Пруссии, Польша — германские земли восточнее Одера-Нейссе. Сталину не удалось прорваться в Средиземноморье, союзники не признали его прав на Дарданеллы и бывшие итальянские колонии.

СССР успел объявить войну Японии через два дня после первой атомной бомбардировки, но все равно получил оговоренные призы: Курилы, Южный Сахалин, Порт-Артур, Дальний. Вторая мировая война пришла к концу. Какое-то время державы-победительницы еще пытались совместно управлять миром, но скоро убедились, что невозможно прийти к согласованным решениям.

Цели Кремля в Европе стали весьма амбициозными. Сталин думал, что во многих странах благодаря разрухе

возникли условия для взятия власти местными коммунистическими партиями — через выборы и коалиции, а где и через восстание. Он готов был поддержать их всем, кроме войск. Положение внутри Советского Союза было катастрофическим. Первый послевоенный урожай был скверный. Правительство отрицало наличие голода и не приняло помощи. Сталинская империя отгородилась "железным занавесом".

Доктрина Трумэна, особенно план Маршалла, обещали Западной Европе стабильность. Сталин делал ставку на "холодную войну". Пришлось вывести войска из Ирана — под американским атомным нажимом. В Москве шла борьба между соратниками стареющего Сталина, в стране не прекращались репрессии. Ощетинившись против всего мира, Кремль восстановил международную коммунистическую организацию, теперь она называлась Коминформ. 1948 год начался с удачного путча коммунистов в Чехословакии, вскоре последовала блокада Западного Берлина. Это была расчетливая провокация. Сталин знал, что Америка не пойдет на военные действия. Действительно, Трумэн и не подумал пригрозить атомной бомбой. Блокаду все равно пришлось снять, ее опровергла американская авиация. В итоге возникло НАТО, и США гарантировали безопасность Западной Европы. Кажется, это не было целью Сталина. Еще раньше Югославия вышла из советской орбиты, но СССР не мог силой подавить мятеж.

В 1949 году Сталин нарушил свои ялтинские обязательства, позволив коммунистам изгнать силы Чан Кайши с материка. В Москве происходили торжества, написали знаменитую песню, но со стратегической точки зрения это был поворот к худшему. Впервые за долгое время Россия имела дело с Китаем, объединенным под сильной центральной властью. Подробности того, как

Москва пошла на этот шаг, до сих пор не обнаружены. Здоровье Сталина слабело, его международная прозорливость не обострялась. Сопратники были слишком заняты распрями. Похоже, что в Москве не столько формировали политику, сколько шли за событиями. Хороший пример — корейская война. Ким Ир Сен рвался в бой, надеясь на легкую добычу. Сталин не только не помог ему посылкой наземных войск, но и отозвал своих военных советников, чтобы не давать США доказательство советского присутствия. Северокорейцы начали с успехов, но скоро оказались на грани полного разгрома. Сталин не рискнул оказать им прямую помощь, он уговорил китайцев вмешаться. Военные действия вернулись к исходному рубежу 38-ой параллели и приостановились.

5

Преемник Сталина был поразительно на него не похож. В Хрущеве была в глаза странная, нередко забавная смесь кипучей энергии, сентиментальности, мужицкого здравого смысла и большевистской узости. Разоблачив преступления Сталина, он взялся за модернизацию его стратегии. Доктрина теперь не преследовала столь кроваво-жесткие цели, но стала глобальной и очень дорогостоящей, особенно из-за космической гонки. Благодаря раннему старту Советский Союз лидировал в ней на протяжении нескольких лет, но дальше дело пошло в соответствии с технологическими уровнями. В любом случае освоение космоса стоило бешеных денег и предъявляло неслыханные требования к советской науке, технике и промышленности.

Хрущев рано понял, что прямая конфронтация с развитым капитализмом может привести к глобальной

катастрофе. Новая стратегия была двуликой. Западным странам предлагалось "мирное сосуществование": давайте жить в мире, торговать, общаться; "третьему миру" говорили: мы ваши единственные друзья, только у нас вы найдете бескорыстную поддержку, Запад несет вам новое закабаление, неокOLONиализм. Молодым режимам давали оружие, обучали однопартийной идеологии.

По существу это была стратегия социалистического окружения капитализма. Началось советское проникновение на Ближний Восток, в Африку, даже Латинскую Америку. Хотя цель была задушить Запад или взорвать его изнутри, но прежде надо было перевооружиться за его счет. В пятидесятых годах происходила довольно быстрая индустриализация СССР — на основе импортного оборудования. В стране появился военно-промышленный комплекс.

Хрущевский период показал, как доктрина подминает под себя жизнь страны. Массовых репрессий не было, но на алтарь гонки вооружений приходилось приносить все более тучные жертвы. Космос, ракеты, ядерное оружие, электроника — все это требовало огромных средств, прогрессивно возрастающей доли национального продукта. Страна покрывалась сетью институтов и заводов без названий, "почтовых ящиков". Приоритет ВПК был во всем. Военпреды отбирали все, что отвечало хоть каким-то требованиям качества, прочее, иными словами, брак, доставался на долю мирной промышленности.

В такой обстановке демократизация не могла зайти далеко. Вторжение в Венгрию показало, что СССР не потерпит деколонизации у себя в империи. Внутри страны нарастал гнет, усиливалась карательная функция власти, не достигая, впрочем, сталинского размаха. Партийная номенклатура срасталась с военно-промышленным

комплексом. Этим хозяевам был нужен порядок, дисциплина, правильная идеология...

Мирное наступление на капитализм не обошлось без острых кризисов. В Берлине пришлось воздвигнуть стену, чтобы остановить массовый исход неразумных жителей в Западную Германию. Разместив на Кубе ракеты, Хрущев столкнулся с перспективой ядерного конфликта, на что у него не было ни сил, ни смелости. Пришлось отступить, тем более что появились симптомы заболевания, которому было суждено развиваться — стратегического истощения. Новая доктрина требовала роста промышленности. Социализм умеет это делать только экстенсивно — за счет строительства новых предприятий, что влечет за собой привлечение новой рабочей силы. Ее негде было отыскать, кроме как в деревне. Началась быстрая урбанизация. Она принесла неожиданное следствие — продовольственный кризис. Он развивался, несмотря на то, что Хрущев уделял повышенное внимание сельскому хозяйству, увеличил капиталовложения, отменил множество драконовских ограничений Сталина. Объяснение простое. Деревенский житель часто находится на грани биологического выживания. Государство, хозяин всего и всех в стране, не заботят его жизненные условия. Самое главное — он *производит* продовольствие. Как только он переехал в город, власть вынуждена его хоть как-то обеспечить — жильем, одеждой и прочим. Хуже всего — из кормильца он превратился в *едока*. Городские жители, независимо от происхождения, потребляют намного больше продовольствия, чем сельские, и питаются более разнообразно. Это известно каждому, кто хоть недолго жил в деревне: там толстяки почти не попадают. Довольно быстро нагрузка на продовольственный баланс стала невыносимой. В 1963 году в стране не хватило хлеба, чтобы накормить население, пришлось

купить зерно в США. Были даны объяснения относительно неурожая, погодных условий и волюнтаризма, но с тех пор на протяжении четверти века приходится ежегодно ввозить продовольствие с Запада.

6

Брежневу достались те проблемы, на которых споткнулся его предшественник. Нужно было сводить концы с концами, продолжать экспансию в "третьем мире", сохранять империю. В конце шестидесятых дух реформ, главным образом экономических, давал себя знать в странах советского блока и в СССР. Брожение в Чехословакии неожиданно выплеснулось как массовое, с далеко идущими, как тогда казалось, требованиями. Угроза коммунистической власти была невелика, но советское руководство было застигнуто врасплох и ответило вводом войск. Сегодня видно, что события в Праге развивались менее драматично, чем советская перестройка.

Важнейшее следствие чехословацких событий обнаружилось в Азии. Инцидентом на Даманском китайцы дали знать, что видят стратегические затруднения СССР. Немедленно советское командование убедилось, что одной демонстрации силы недостаточно. Вооружение у китайцев было довольно устаревшее, однако они располагали противотанковыми реактивными управляемыми снарядами, а самое главное — ядерным оружием и средствами его доставки. Огромный людской потенциал делал Китай противником крайне нежелательным. В военной и правительственной среде стали раздаваться жалобы: Какие мы были дураки, что не сбросили на Китай несколько водородных бомб, пока было возможно. (По-

лучила хождение легенда, что Брежнев предложил Никсону нанести совместный превентивный удар по китайскому агрессору. Фольклор, скорее всего, но какой симптоматичный.)

Конфронтация с Китаем назревала давно. Москва постоянно игнорировала китайские традиции — философские, исторические, культурные. Только по невежеству и чванству можно было назвать китайцев "младшими братьями", тех китайцев, которые себя считали наследниками древнейшей цивилизации, а прочие народы — варварами. Престиж Пекина сильно пострадал, когда Кремль поменял свою собственную историографическую традицию в отношении Айгуньского и Пекинского трактатов, закрепивших в середине XIX века потерю Китаем бассейна Амура. В первые десятилетия советской власти они рассматривались, как неравноправные, империалистические, в пятидесятых ими стали обосновывать права СССР на Тихоокеанское побережье и Забайкалье. Китай так и не дождался от СССР достойной компенсации за огромные потери, которые он понес в корейской войне. Экономическая помощь "старшего брата" была скромной, технически отсталой. Самое главное — Москва не собиралась оснащать китайскую армию на современном уровне. После того, как Хрущев отказался в 1959 году дать Пекину атомное оружие, произошел разрыв, едва прикрытый фиговым листком идеологии.

К началу семидесятых годов стратегическое положение СССР было незавидным: узлы напряженности на противоположных концах империи, продовольственные трудности, отсталая промышленность. Брежневское руководство взяло курс на детант, разрядку с Западом.

Это был новый цикл мирного сосуществования, и цели были сходные. Добившись отмены торговых ограничений, Брежнев принялся спешно оснащать промышлен-

ность, преимущественно оборонную, импортным оборудованием. Новый аспект был в том, что закупались целым технологическим линиям; прирост производства во многих отраслях достиг 30-50%. Параллельно шли переговоры о сдерживании гонки вооружений. Здесь Советский Союз добился многого. Речь шла не о сокращении вооружений, а о так наз. "потолках", пределах, которые нельзя превышать в будущем. СССР, стоявший позади по числу ядерных боеголовок и межконтинентальных ракет, со всех ног бросился догонять США. Американцы, со своей стороны, фактически стояли на месте, считая, что дальнейшее вооружение не имеет практического смысла, потому что достигнут уровень многократного взаимного уничтожения.

Второе направление детанта было нацелено на международное признание границ в Европе. Имелось в виду узаконить послевоенные приобретения СССР и Польши. В Хельсинки европейские страны вместе с США и Канадой пошли навстречу Москве. Брежнев был на вершине успеха. На радостях народу была дарована новая конституция. Ее без стеснения переписали с предыдущей, составленной Бухариным по заказу Сталина, с двумя отличиями: внесли господствующую роль компартии, предоставили крестьянам право на полицейский паспорт.

Преимущества детанта не были получены даром. Запад предоставил их в обмен на определенные уступки: допущение еврейской эмиграции, обмен людьми и идеями, известная терпимость к деятельности диссидентов, предоставление советским гражданам гуманитарных и социальных прав, провозглашенных в документах ООН. Брежнев согласился, не оценив масштабов и последствий: эмиграция будет незначительной, права достаточно декларировать, диссиденты не опасны и т. д.

К концу десятилетия стало очевидно, что эти уступки в определенной степени подрывают официальную идеологию, влияют на духовный климат советского общества. Эмиграция дошла до 50 тысяч в год. Благодаря возможности отъезда у интеллигенции больше не было ощущения полной безнадежности. Юрий Орлов призвал граждан постоянно следить, как советская власть соблюдает правовые гарантии, записанные в Хельсинкских соглашениях. Эта идея нашла сторонников в СССР и за границей, она доставила немало огорчений правительству.

Положение в экономике оставалось неутешительным. Как и прежде, расширение военно-промышленного комплекса происходило за счет рабочей силы, привлекаемой из деревни. Нагрузка на казенное сельское хозяйство увеличивалась, продовольственные трудности обострялись. Надежды на товарообмен с Западом не сбылись: там не было спроса на советскую продукцию. Приходилось платить твердой валютой за ввозимые оборудование и зерно. Валютные источники были те же — золото и нефть, которая стала дефицитной внутри страны.

Детант притупил, но не мог устранить перенапряжения. Приходилось держать множество войск на границе с Китаем. Клиенты из "третьего мира" были ненадежны — в политическом и финансовом отношении. Ушел, не заплатив долгов, Египет, по разным причинам отпали Гана, Мали, Гвинея, Сомали, Танзания. Куба осталась, но ее нужно было полностью содержать. Новые друзья требовали изрядных вложений — Эфиопия, Никарагуа, Ангола. С окончанием войны в Индокитае расходы СССР в этом регионе увеличились: Вьетнам, порвав с Пекином, полностью перешел на советское иждивение. За имперские ам-

биции приходилось платить. На этом фоне началось вторжение в Афганистан, положившее конец разрядке.

7

Афганский эпизод трудно понять. Был ли это новый стратегический курс? Если да, то какой: поход к нефтяным полям Персидского залива, попытка обойти Китай с фланга? Если это новая стратегия, то бьет в глаза слабость ее основы – экономической и геополитической.

Войск для захвата нефтедобывающих стран послали мало, но по афганским дорогам трудно было бы снабжать экспедиционный корпус большей численности. Не заметно также было попыток давить на Иран. Более вероятно, что целью операции был именно Афганистан. Тогда возникает вопрос, что привлекло Кремль в эту страну. Какие ресурсы оказались столь притягательными: дубленки? пшеница? ковры? Нельзя исключить, что советские войска вошли в Афганистан, чтобы поддержать одну коммунистическую фракцию против другой, как утверждали восемь лет назад, но поверить в это трудно. Между тем, Москва стоит на своем. Недавно членам партии под расписку о неразглашении зачитали "закрытое" письмо ЦК: ввод войск был ошибкой, преувеличили, дескать, перспективы социализма в стране с племенным строем. У меня есть на этот счет другая гипотеза.

Афганистан – ведущий производитель и экспортер наркотиков, героина и опиума. Вторжение имело целью захватить этот источник твердой валюты. Конечно, имелся подходящий повод братской помощи, но реальная цель была именно такая. В деталях, однако, много

неясного. Кто санкционировал этот военный поход – Политбюро или горстка людей, озабоченных личным богатством, – сказать трудно. В СССР конституционные процедуры на такой предмет разработаны очень слабо, да и некому следить за их выполнением. Во всяком случае, до сих пор не объявлено, кем и когда было принято интересующее нас решение.

Вспомним ситуацию в советских верхах поздней осенью 1979 года. Перенесший несколько инсультов Брежнев вел вегетативное существование. Время от времени его выводили на публику – прочесть вслух несколько страниц. Было видно, он плохо понимает, что делает. Другие члены Политбюро были дряхлыми или бездеятельными. Теперь этот период именуют *застоем*, на самом деле это был маразм власти. По примеру генсека, множество руководящих постов в стране было занято старцами, мечтавшими умереть в служебном кабинете. В высшем руководстве процветала коррупция. В семью генсека стекались поборы из многих мест страны.

Галина Брежнева всегда славилась веселым нравом и сребролюбием. Ее последний муж, Чурбанов, был заместителем министра внутренних дел. Министром был Н. А. Щелоков, из украинско-молдавских друзей Брежнева, которых генсек привез в Москву на высшие должности: Тихонов – предсовмина, Новиков – председатель Гостроя, Цвигун – зампред КГБ... Мой друг и соавтор Юрий Алексеев вольно, но образно назвал эту мафию "киевским Динамо".

Сейчас чете Чурбановых и Щелокову предъявлены уголовные обвинения (только про суд ничего не слышно – за шумом гласности), но тогда они располагали влиянием в коридорах власти. Щелоков, не забудем, был важная военная фигура, генерал армии, ему подчинялись внутренние войска (с литерами ВВ на погонах), предназначенные

для поддержания порядка в империи. Могла это троица или другая подобная группа подготовить документ за подписью самого Брежнева о необходимости помочь братьям-афганцам? Ох, могла. Как это прошло через Политбюро, неизвестно, но было ли такое решение – тоже вопрос. Кстати, в советском руководстве случались дела почище. Например, Гитлера записали в лучшие друзья России. Надо еще помнить, что советские вожди не знают наслаждения выше, чем напакостить друг другу. Интересы страны отходят на дальний план. Бывалые операторы, вроде Громыко и Андропова, могли умыть руки, действуя по принципу "чем хуже, тем лучше" – все равно ответственность ляжет на Брежнева, которому жить недолго.

В армейском командовании идея ограниченного конфликта вполне могла найти поддержку. Ну, конечно! Проверка боевых качеств войск и вооружения, заодно возможность заработать чины и награды. Советские стратеги способны были рассматривать Афганистан как вторую Чехословакию. Когда операция пошла вкось, у политиков и военных было много причин продолжать военные действия. В первую голову, хотели избежать потери престижа, надеялись – не сегодня, так завтра мы их сломим, кто они против нас. Кроме того, как всегда, никто не хотел брать на себя ответственность за важнейшее политическое решение, каковым является вывод войск.

За время детанта Советский Союз добился приблизительного равенства с США в ядерном вооружении, сильно опередил в обычном, но... не стал сильнее. Истощение ресурсов все больше давало себя знать. Трудности внутри страны нарастали, мораль падала. Постоянные неудачи в Афганистане довершили дело. Горбачев протрубил перестройку и новый тур замирения с Западом.

Мы переходим к структуре советской империи. Сразу заметен ее военный характер. Огромная армия содержится для внешней экспансии и для скрепления силой составных частей. Последнее составляет важную функцию советского государства, потому что центробежные силы в империи постоянно грозят развалом. Советские колонии, то бишь союзные республики, примыкают к метрополии, но эта географическая особенность мало что меняет в имперском характере страны Советов. Отношение власти к подданным носит феодальный характер — в монгольско-московском духе. Граждане, заводы, фабрики, колхозы, санатории, кладбища — все они данники государства. Платить нужно не с доходов, не после реализации продукции, а вперед, как платили ордынский ясаk, налог с дыма или подушную подать.

Без этого механизма империя не может функционировать. Естественно, что эта военно-феодальная структура сильно централизована. Сегодня много говорят о предоставлении предприятиям широких прав. Но это по преимуществу демагогия, очередная попытка замаскировать сущность советского государства. Конечно, имеется немало наивных людей, которые ведут эти разговоры искренне и любят критиковать советскую систему за неэффективность. Налицо недоразумение. Система, возможно, не образцовая с точки зрения прибыли на вложенный капитал или благосостояния трудящихся, но ведь не для этого она создавалась и росла. Настоящие цели суть: обеспечить правящий слой, охранить империю от врагов внутренних и внешних, распространиться на весь мир.

Стратегическая доктрина — самый важный, самый сильный детерминант, ни одна серьезная перемена в

стране не может удержаться, если она противоречит доктрине. Почти полное бесправие советских граждан вытекает из характера государства. В военном лагере не бывает демократических свобод. Только произведя ревизию своих целей, власть может дать гражданам определенную независимость. Позволительно спросить, чем готов поступиться правящий класс в трудную минуту, как сейчас, на какие уступки или жертвы он пойдет. Ответ зависит не от благих намерений Горбачева или консерватизма Лигачева, но от сложного взаимодействия между государством и населением, еще — от геополитических факторов.

В последние месяцы советские официальные лица, особенно мундироносные, заговорили о переменах в стратегии: СССР, мол, теперь думает только про оборону. Запад слушает и наблюдает. Москва и прежде заявляла о своих оборонительных склонностях. Пока реальных сдвигов мало. Действительно, начался уход из Афганистана, но может быть, это просто исправление просчета? Других признаков пока нет, одни разговоры. Советская военная промышленность работает на полную мощность.

В стране идет критическая переоценка многих социальных институтов и порядков, но *не слышно* о сокращении расходов на войну, о сдерживании военно-промышленного комплекса. Никто толком не знает, какая доля национального продукта тратится в СССР на военные цели. Половина? Больше? Если не изменить это соотношение, то никакие реформы не помогут. Николай Шмелев, Юрий Селюнин, другие энтузиасты придирчиво критикуют экономические механизмы, очень хотят их усовершенствовать. Им только невдомек, что даже при удачной реализации их советов почти вся прибавка

пойдет не населению, а главным получателям — номенклатуре и ВПК.

Только после коренных перемен в стратегии и структуре империи возможны направления таких перемен. Но начать нужно со стратегической ситуации.

9

Советский Союз располагает огромной территорией от Тихого океана до Балтики, от Арктики до Тянь-Шаня и Памира. Важнейшие рубежи: в Европе на западе и на востоке с Китаем, последний протяженностью свыше 6000 километров. Вопреки пропаганде, такую границу трудно держать на земке. Удобных путей для вторжения много, на что имеется довольно примеров. Относительной безопасности можно достичь, если физическую оборону с помощью войск и укреплений дополнить дипломатическими договорами и военными союзами.

Со странами Запада у СССР подписано много документов: о нераспространении ядерного оружия и запрете на его испытания в атмосфере, о сдерживании гонки вооружений, об удалении из Европы определенных видов ракет, о научно-техническом сотрудничестве и пр. С этими странами у Советского Союза нет территориальных споров. Значит, если каждая сторона будет думать о собственной обороне, то для столкновения между Варшавским договором и НАТО нет прямого повода.

В советско-китайских отношениях картина другая: при наличии спорных земель практически нет соглашений, направленных на предотвращение конфликта. По многим причинам столкновение в ближайшем будущем маловероятно: 1) СССР ведет себя осмотрительно после того, как Китай доказал, что его нельзя взять "на

испуг"; 2) Китай приступил к модернизации экономики, рассчитанной на многие годы; 3) территории, о которых идет речь, никогда не имели большой ценности для китайцев. Все равно СССР приходится держать на востоке много войск, тратить средства на стратегические коммуникации, вроде БАМа, воздерживаться от экономического развития дальневосточных территорий. Одновременно бурно развивается регион Юго-Восточной Азии — Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг; к этому клубу надеется присоединиться КНР. Как и раньше, ситуация на границе с Китаем может обостриться, если у Советского Союза возникнут затруднения в другом месте.

Союзников у СССР нет, одни сателлиты, завоеванные страны. В Азии картина простая. В Монгольской Народной Республике советские войска и советники, наверно, превышают по численности туземцев. В Северной Корее советских войск нет, Пхеньян пытается балансировать между Москвой и Пекином.

Европейские друзья СССР как один ненадежны, Москва не рассчитывает на их армии в случае войны. Эти страны — главным образом плацдармы для Советской армии. Технически у СССР нет территориальных распрей со странами НАТО, но в отношении ФРГ это требует разъяснений. Поскольку в 1945 году Сталин отрубил от советской зоны оккупации куски для себя и Польши, то Москва и Варшава свято верят в доктрину двух Германий. Этого нельзя сказать о немцах по обе стороны демаркационной линии. За последнее десятилетие отношения двух германских государств значительно улучшились. Этот процесс развивается. ГДР получает от Западной Германии солидную экономическую помощь, пользуется в отношении торговых тарифов статусом неофициального члена Общего рынка. При этом восточные

немцы ведут себя осмотрительно. В смысле идеологии они намного правовернее своих московских хозяев.

Попытка воссоединения Германии произойдет скорее всего, когда СССР увязнет на другом конце света. Хотя СССР и старается избежать интервенции на двух фронтах. Пока советские войска буксовали в Афганистане, движение "Солидарности" едва не парализовало коммунистическую власть в Варшаве. Москве такое развитие событий было, как острый нож, однако она не рискнула ввести свои войска. Пришлось допустить туземный военный переворот — решение, крайне нежелательное для советского блока.

Немцы могут — и скорее всего будут — двигаться к своей цели не прямым путем, например, через нейтральные по виду структуры, вроде таможенного союза, совместных предприятий и зон, статус которых можно переменить в удобный момент. Нельзя сказать, что в Кремле не видят шаткости германского урегулирования. Вдобавок, советская пропаганда не гнушается при случае сыграть на антигерманских настроениях населения: вторжение в Чехословакию мотивировали необходимостью предотвратить вмешательство ФРГ. С тех пор многое изменилось, были Хельсинки, но германская озабоченность крепко засела в глубине советской души.

10

Мне остается обрисовать возможные направления в советской имперской стратегии. Первое из них можно назвать *социалистическим реализмом*. Это штука знакомая. Во что бы то ни стало сохранить "завоевания социализма": монополию партии, военно-феодалную экономику, ядро идеологии. Смягчить контроль там, где

это не жизненно важно, внести коррективы, без которых не обойтись, но внешние, косметические. И обещать, обещать... Сделать вид, что отказываются от экспансии, от экспорта революции, благо есть опыт таких маневров в прошлом. Главное — не уступить в главном, коммунистическом, имперском. Так думают аппаратчики, функционеры, военные и гражданские служаки, все те, у кого карьера, благосостояние, жизнь зависят от агрессивного курса. Увы, сходным образом рассуждает множество простых граждан, скромных тружеников, патриотов. Они не умеют мыслить вне набора стереотипов, плохо информированы, косны, склонны верить пропаганде, а не фактам. Они благоговеют перед славным прошлым, которое для них сводится к войнам и завоеваниям — своеобразный комплекс неполноценности. Я хочу сказать, что у этого курса достаточно сторонников.

Второй возможный курс — *китайский*, по аналогии с нынешней политикой Пекина. Основные черты: ослабить идеологический гнет, сделать экономические уступки населению, понизить внешнеполитическую активность — все для того, чтобы решительно модернизировать экономику, науку, образ жизни. Сверхзадачей остается сохранить коммунистическую систему с ее атрибутами, но без надоевших эксцессов. Так, похоже, думают Горбачев и его советники. Это сдвиг к лучшему, но он может во многом оказаться недолговечным.

Имперские цели не отменяются, а кладутся под спуд, ВПК сохраняется — насколько возможно. Перемены будут громкими, сенсационными, но больше поверхностными. На первых порах либерализация неизбежна, это плата за вход, однако тоталитарная власть начнет от нее отказываться, когда кризис потеряет остроту, из заморских стран будет получено достаточно технологических игрушек и т. д. Так было при Хрущеве, потом при

Брежнев. У коммунистической власти всегда есть тенденция, словами Аркадия Белинкова, "немного поубавить избыток демократии".

Путь номер три состоит в том, что власть будет вынуждена отпустить имперские вожжи, разрешив реальную местную самостоятельность, одним словом превратив СССР в конфедерацию, несколько напоминающую Швейцарскую или Британское содружество лет тридцать назад. Аналогию не следует понимать буквально. Безусловно, централизации будет побольше — в силу традиции. Республики начнут жить и развиваться по-разному — в соответствии с местными условиями, историей, культурой. Демократизация не произойдет, разумеется, автоматически. Она установится там, где на ней сумеет настоять население.

Главная, кардинальная перемена — Москва больше не будет держать в одном кулаке все ресурсы страны, что сильно уменьшит соблазн авантюры, широких экспериментов, глобальных претензий. Описанное развитие событий звучит утопично, согласен, но не в большей степени, чем коммунизм в России образца 1917 года. Это может случиться, если нажим на центральную власть будет достаточно силен и неотступен. Много будет зависеть от интеллигенции — куда она позовет российские народы. Если говорить откровенно, то реальная альтернатива этому курсу — развал империи. По понятным причинам об этом не хочется говорить.

Предвижу возражения, что споры между республиками участятся — по примеру Армении и Азербайджана. Это возможно. Но: республики не будут иметь вооруженных сил, функцией центральной власти останется не доводить дело до эксцессов, наконец, свободные республики будут, возможно, не столь непримиримы по отношению друг к другу...

До сих пор советская интеллигенция, не считая национальной, не доставила руководству серьезных огорчений, проявляла понимание. Множество взрослых дядь и тетей впади в телячий восторг по поводу показа нескольких фильмов, прежде не разрешенных, и публикации — с опозданием на десятилетия — горстки беллетристических произведений. Это был бы слишком дешевый выкуп за длинную эпоху насилия, гнета и мракобесия. Населению по-прежнему недоступны мировые сокровища книг по истории, философии, религии, социологии, экономике. Я не говорю о том, что в СССР все еще не полагается читать и обсуждать публично книги А. Авторханова, А. Солженицына, М. Восленского — если взять имена современников, первыми приходящие на ум.

Интеллигенция еще, кажется, не вполне понимает свою роль и ответственность. Экономисты и социологи продолжают ломать голову над тем, как усовершенствовать Госплан, Госснаб и Министерство Самоварной Промышленности. Им невдомек, что пришло время от бюрократической маниловщины перейти к суровой прозе, говорить о реальном бюджете страны, о кровососущем ВПК, о структуре доходов и потребления, о необходимости частной собственности. Люди ждут от интеллигентов хлеба насущного, настоящей пищи для ума, откровений, прозрений, защиты поправленных естественных прав, духовного руководства. Слишком часто им подсовывают порченые сухари, присыпанные смелыми фразами в духе времени.

Многое решится во взаимоотношениях государства и интеллигенции. Говоря о последней, слишком часто подразумевают только писателей, художников, композиторов, кинематографистов. Но на дворе — двадцатый век, отнюдь не девятнадцатый, когда графоманский роман Чернышевского изменил судьбу целого поколения. Не

забудем также, куда завела этих молодых людей вера в художественную литературу.

Без научно-технической интеллигенции советская власть не может буквально дня просуществовать. Когда технари — инженеры, физики, программисты, технологи, строители — осознав свою силу, захотят превратить ее в нечто реальное, влияние, они скорее всего постараются объединиться. Появятся новые профессиональные организации, но наряду с этим возможно использование действующих. Скучные клоповники, вроде радиотехнического общества, с приходом новых людей, знающих, чего они хотят, станут рупорами взглядов интеллигенции.

В СССР есть еще одна "спящая красавица" — профсоюзы. В первое десятилетие после революции коммунистическая партия истратила много подачек и демагогического рвения, чтобы подчинить их. Трудовое законодательство дает профсоюзам немалые права на производстве и во многих социальных вопросах. Этот потенциал сегодня почти не используется на благо населения — из-за плотного партийного контроля и инертного пессимизма рабочих. Может статься, настоящие рабочие активисты начнут брать под контроль низовые профсоюзные ячейки. Не знаю, будут ли радоваться такой перестройке ее глашатаи...

"Британско-швейцарский" путь обещает благоприятные сдвиги. Сократится имперское войско, усохнет ВПК из-за уменьшения центральных средств, ослабнет идеология и гнет из центра. Проблемы останутся, это, видимо, самый безболезненный переход от мировой империи к государству, занятому своими делами.

Какова вероятность, что в СССР атрофируются имперские органы и механизмы? Не могу привести цифру, не знаю, как ее вычислить. Можно сказать с уверенностью: само по себе это не случится. Придется пропагандиро-

вать эту идею, разрабатывать формы реализации. Не обойтись без того, чтобы давить на правительство, разъяснить населению, убеждать сомневающихся. В прежние времена говорили: Свободу не дают, ее берут. Это все еще верно.

10-18 июня 1988 г.

ПЕРЕД ЛИЦОМ НЕПОДАТЛИВОЙ ЭКОНОМИКИ

1

Внешнеполитическая активность Москвы не идет на убыль. К назначенному сроку половина войск ушла из Афганистана. Партизаны оживились, участили атаки, но советское командование и думать не хочет о задержке. Случаются арьергардные операции, но желание выбраться из долгой неудачной войны сомнению не подлежит. А чего стоит прием, оказанный в Москве Франку Карлучи!

Выступая перед избранной аудиторией в Генеральном штабе, американский министр, закаленный бюрократ, не стал церемониться: Вы теперь вроде бы больше склоняетесь к обороне, но мы все равно следим. Советские хозяева не обиделись, наавтра гостя повезли на сверх-

секретную базу в Кубинке, куда раньше даже чужеземным воробьям не было доступа. Карлучи дали посидеть за штурвалом новейшего советского бомбардировщика, на Западе его называют Блэкджэк.

Днем позже выпустили из Лефортово Матиаса Руста, западногерманского паренька, выставившего на посмешище советскую систему противовоздушной обороны. Таких свидетельств о желании сотрудничать с Западом много. Обмен школьниками с Соединенными Штатами хотят довести до пяти тысяч в год. Советские культурные и научные посланцы не вылазят из Парижа и Нью-Йорка. Эмигрантам из СССР позволяют навещать старую родину. Советский язык быстро обогащается американизмами: бизнес, спонсор, молодежный андерграунд — приличнее, чем подполье. Кому-то это не нравится, но власти в целом — за толерантность, за динамизм, даже за некоторый плюрализм. Экономика выглядит исключением на фоне всеобщего оживления. Член Политбюро Виталий Воротников недавно признал: валовый национальный продукт вырос на 4 процента, но жизненные условия советских людей не улучшились. Значит, все по-старому — очереди, карточки, дефицит жилья и товаров, угнетающий быт.

2

Для советского населения, как и всякого другого, уровень жизни, условия повседневного существования, стоят на первом месте в шкале ценностей. Хорошо приоблатненной элите в джинсовых костюмах рассуждать о повышенной русской духовности. У элиты помисо джинсов имеются загранпоездки, гонорары, дачи в Переделкине, закрытые поликлиники и распределители. Простые

люди получают жилплощадь в коммуналках или типовых пятиэтажках. Их волнуют не столько романы Рыбакова и национальный продукт, сколько реальные продукты на полках магазинов и жизненные драмы, порождаемые жилищной скученностью. Если в быте не будет перемен к лучшему, то перестройка в сознании народа займет место в ряду с прочими затеями начальства, вроде торфо-перегнойных горшочков и почина Гагановой.

Недавно красноярские жители без обиняков высказали Горбачеву, что живут плохо, дошли до точки. Генсеку ничего не оставалось, как улыбаться и обещать. Еще раньше он предложил два новшества. Первое — узаконить долгосрочную аренду земли. Семья или кооператив сможет взять участок на 50 лет, выращивать, что считает нужным, продавать, где пожелает, — только плати за землю.

Идея напоминает недавнюю реформу в Китае. Горбачев не вдавался в детали, только призвал местные власти "смелее" ликвидировать убыточные колхозы и совхозы, раздавая их земли в аренду. Сельские жители не торопятся. Память про двадцатые годы сильна. Вожди звали крестьян культурно хозяйствовать, обогащаться, потом все отобрали, погнали на Соловки. Еще перспективные частники думают с опаской, на чем пахать, где купить инвентарь. Лошадей нет, тракторов гражданам пока не продают, идти на поклон к государству неохота — сделают кое-как, не ко времени.

Власть на местах, нынешние хозяева земли, тоже боятся прогадать. Куда девать персонал и собственность распущенных хозяйств? И вообще, поди знай, что выйдет из этой аренды. Ломать — не строить, земли раздашь быстро, а частники понастроят дачи с гамаками для сдачи внаем или другие пережитки капитализма. Советскую власть никто не отменял, секретари обкомов боят-

ся, чтобы завтра не поволокли на ковер: раньше твоя область давала стране столько-то ржи, конопли, овса — где все это? Не забыта история с рязанским партийным хозяином. Угождая Хрущеву, он так усердно догонял штат Айову по мясу, что отправил на бойни весь скот без разбора — молочный, племенной, молодняк. Кому охота по его примеру пулю в лоб пускать...

Второе начинание Горбачева похожее: сдавать в аренду кооперативам цехи и целые предприятия, принадлежащие казне. Мол, небольшой опыт такого рода имеется, следует его распространять. Как и частный общепит, это реально, но не весьма значительно. Речь, видимо, идет о мелких фабриках и мастерских, о сравнительно несложных товарах или услугах. К слову пришлось, кооперативных кафе пока мало, а цены в них для рядовых жителей непосильные. От всего этого идет густой запах НЭПа, когда большевистская власть дала населению короткую передышку. Спору нет, при товарном голоде, при недостатке продовольствия дополнительная продукция придется кстати, только вряд ли это изменит экономический климат страны.

3

Советскому руководству страсть хочется придумать что-то эффе́ктное, броское, сказать населению: мы с вами, мы думаем о ваших нуждах. Сталин был мастер на подобные затеи. Народ до сих пор вспоминает регулярные снижения цен; забавно, но мало кто понимает: это было возможно только потому, что в конце 1947 года все цены были загнаны на недостижимую высоту. Горбачев и его советники в поисках решения обращают лицо к Западу. Им нравятся макдональды и прочие чудеса мас-

сового питания: быстро, чисто, современно. Вот бы у нас завести, только где взять мясо и прочие продукты, опять из Америки привозить? Этим вопросом занимаются. Есть также проекты покрупнее.

Недавно газета "Нью-Йорк таймс" как бы невзначай написала о трудностях, с которыми столкнулся действующий в СССР американский консорциум. Новость была двойная. Раньше ничего не было слышно о существовании этого объединения, не то что о его проблемах. Оказывается, группа американских компаний хочет — напаях с советским правительством — построить в СССР несколько крупных предприятий. Торговый банк Меркатор собрал вместе шесть промышленных фирм, все тузы: Форд, Ар Жи Ар Набиско, Истмэн Кодак, Шеврон, Джонсон энд Джонсон, Арчер Дэниэлс Мидланд. Список товаров еще не объявлен, одни категории: автомобили, крекеры, сухие завтраки, сигареты, нефть, магнитные дискетты, анализаторы крови, растительные масла, заменители сахара, средства личной гигиены. Если все пойдет, как задумано, советский массовый потребитель получит доступ к товарам из Америки.

А пока американцы попали в ситуацию, которую они называют "волокитой", но пожалуй, точнее будет сказать, что они уперлись лбом в коренные особенности советской системы. Вот послушайте. Сделка заключается на основании нового советского закона о совместных предприятиях, где туземному предприятию должно принадлежать не менее 51% акций, то есть решающее слово в администрации.

Кое-какие пункты удалось согласовать. Например, все споры будут передаваться на арбитраж в нейтральную Швецию. Американцы смогут делать копии с финансовых документов совместных предприятий и вывозить из СССР, поначалу была сделана попытка ограничить их

доступ в эту сферу. Служащие компаний получают многократные советские визы, это улажено. А вот смогут ли они привозить с собой телевизоры и видеомангофоны — остается под вопросом. Советские рачительные хозяева, затевая многомиллиардное дело, опасаются, как бы простые американские граждане не заработали несколько сотен. Оно конечно — копейка рубль бережет.

Все это, однако, пустяки в сравнении с проблемой *репатриации* прибылей. Из каждых 100 рублей чистого дохода, полученными совместными предприятиями, 49 придется на долю компаний консорциума. Это выходит долларов 75 по официальному курсу, прикидывают американцы. Не все так просто, говорят их русские партнеры, возьмите лучше товарами. Пепсико уже 15 лет получает за свой продукт русской водкой, которую продает в США. Ар Жи Ар даже слышать не хочет о товарных расчетах. Кодак пробовал, но ничего не добился: Если вы нашли что-либо подходящее для экспорта из СССР, это всегда в другом министерстве, не в том, с которым вы ведете переговоры. Это нам знакомо. Любите вчерашний борщ, приходите завтра.

Другое предложение советской стороны состоит в том, чтобы совместные предприятия зарабатывали твердую валюту, которой будут оплачиваться американские вложения. На это соглашается один Шеврон, нефтяная компания. Форду и другим не улыбается перспектива вывозить продукцию консорциума в Западную Европу, где она будет конкурировать с их собственными изделиями. В конце концов они затеяли эту сделку с целью проникнуть на советский рынок...

На фоне этих приключений в центре Москвы появилась американская пицца. В одни дни у нарядного фургона томится длинная очередь, в другие — никого, под-

ходи и бери. Некоторые граждане разбегаются, протягивают рубли и грешки. — Извините, но сегодня у нас валютный день. Завтра приходите, с сожалением говорят продавцы. Американский предприниматель хочет сколотить хоть какую-то прибыль, которую можно взять с собой. Фирма Баскин-Робинс та совсем не церемонится: хочешь покушать в Москве американского мороженого, гони доллары, можно фунты, марки...

4

Снова, как в двадцатых, советское правительство ищет капиталистических вложений в экономику страны. Тогда из концессий мало что вышло, вдруг нынче получится. Почему, собственно, нельзя по-прежнему покупать на Западе оборудование и некоторые товары? За полновесные рубли, обеспеченные всем достоянием Страны Советов? Казалось бы, страна, вторая в мире по уровню промышленного производства, может сама финансировать свой рост.

Ответ на эти вопросы скучный. Советская экономика буксует в тисках бюрократической централизации, не создает накоплений. Налицо структурная отсталость. Советские изделия, за редким исключением, не пользуются спросом на мировом рынке — невысокое качество, устаревшие модели. Рубль — неконвертируемая валюта, хождения за пределами СССР не имеет. Страна вывозит одни сырые материалы — нефть, золото, лес, руду, а купить хочет все — машины, приборы, одежду, продукты питания, электронику. Получается проживание природных ресурсов. Оказывается, военная сверхдержава экономически очень напоминает отсталые, пардон, развивающиеся страны.

Советская экономическая система, социализм, окончательно сложилась в результате Великого Перелома. Государство монопольно контролирует хозяйственную жизнь страны. Сегодняшние слабости некогда были сознательно заложены в экономику властью большевиков, они на весь мир рекламировались как решающие преимущества социализма, с их помощью грозились похоронить капитализм во всем мире. Благодаря централизации правительство имеет в своем распоряжении громадные средства: на содержание партократии и армии, на грандиозные проекты, вроде космических, на гонку вооружений, на заграничные авантюры — это при подавляющей бедности населения. Доминирование тяжелой промышленности, милитаризация экономики привели к уродливой структуре производства. Большинство предметов повседневного западного обихода в СССР неизвестно. Изоляция советской экономики, техники, науки, культуры от Запада есть следствие "железного занавеса", отгородившего страну от остального мира после войны.

Нынешние вожди хотят смягчить надоевшие прелести социализма. Поскорее и без лишнего шума. Конечно, не дай Бог сказать, что именно большевистская власть, диктатура коммунистов-бессеребренников, сотворила этого экономического уroda — намеренно, из политической выгоды. Неохотно они признают свои ошибки, которые, сами понимаете, не могут зачеркнуть наших огромных достижений. Бяка Сталин, он действительно напутал, нарушил ленинские нормы, Колю Бухарина не слушался, но политика партии на всех этапах была правильной, строго научной.

Горбачевцы знают, что советская система сама не выберется из трясины стагнации, и оглядываются в поисках подмоги. Объявив перестройку, они крепко наде-

ялись на частника и рынок. Быстрых результатов не последовало, а время поджигает. Теперь, кажется, ставка делается на Форд и Шеврон. Пусть, мол, денежные мешки возьмут на себя модернизацию и рационализацию советской экономики. Не огорчайтесь, говорит генеральный секретарь своим однопартийцам, в этом нет ничего несоциалистического. Решающее слово остается за нами. Все будет, как в сказке. Нам вершки, им корешки. Или наоборот. Главное, чтобы в интересах социализма.

5

В пятьдесят шестом развеселом году, когда мы — в который раз — приступили к срыву семинара по политэкономии, преподавательница не выдержала. Молодая, миловидная, но без чувства юмора и политического такта, она возопила: Вы что, совсем не хотите заниматься политэкономией!? Встал Боря Янченко и с ангельской улыбкой ответил: Так там же абсолютно нечего изучать. Все просто. У нас так, — он изобразил уходящую в небо гиперболу, — а у них, при капитализме, так, — его рука прочертила в воздухе нечто пилообразное и нисходящее.

Учение Маркса всеильно, завещал Ленин, потому что оно верно. Бородатый доктор философии толкущее многообразие капитализма объяснял исключительно через прибавочную стоимость. Социализм и вовсе сводился к простой формуле: отработал свои часы, получи справку и топай на общественный склад за получением того, что тебе полагается по труду; денежным отношениям места не оставалось. Вооруженная учением большевистская власть с порога приступила к прямому распределению продуктов, заодно отменив экономическую науку, как

излишнюю. С введением НЭПа пришлось восстановить деньги и кредит, однако немарксистские, то есть реальные экономические знания, остались в загоне. После провозглашения социализма они были накрепко запрещены.

В партийных головах сочинилась теория, что теперь экономические законы не носят более объективного характера, они зависят от воли и решений пролетарского государства. Замечательное открытие вселяло оптимизм. Как у мышонка. Увидев кошку, он от страха зажмурился — страшный зверь исчез, открыл глаза — опять кошка, поскорее закрыл. Как захотим, так и сделаем.

С начала тридцатых годов власть пошла напролом в хозяйственной политике. Старый экономический уклад разрушили, поставив на его месте новый, хорошо приспособленный для нужд правящего слоя. Славную теорию углубили: при социализме законы экономики все же объективны, но они другие, особенные. Тут же был сформулирован главный — планомерное и пропорциональное развитие. Не в лоб, так по лбу.

В результате свободного творчества трудящихся под научным руководством Партии в СССР функционирует система, не имеющая себе равных. СССР выплавляет стали больше всех в мире, она дешевая, но почему-то, наверно из-за пережитков капитализма, среднему человеку недостаточно десятилетней зарплаты на скромный автомобиль. Печеный хлеб скармливают скоту, другого фуража все равно нет, одновременно в Америке закупают зерно миллионами тонн. Чтобы заработать потребную для этого валюту, вывозят в Европу нефть, хотя в стране дефицит бензина. Получается, что нельзя увеличить выпуск автомобилей, не то сбудется предсказание ЦРУ, что в скором времени СССР превратится в импортера нефти, платя за которую, придется расчи-

тываться золотом. Возможно это? Почему бы нет, недавно никто не верил, что Россия, бывшая житница Европы, станет закупать хлеб за океаном.

Ленинскую формулу о важности производительности труда расклеили на всех заборах, но отставание от Запада все нарастает. В Магнитке, любимом детище пятилеток, выплавка стали на одного работающего достигла 267 тонн, а в Индиане топчется на уровне 1145 тонн. Положение металлургии в США тяжелое, это всяк знает.

6

Можно десятилетиями утешаться, что тебе экономический закон не писан, все равно приходит время платить по счетам. Советская власть стоит нагишом на виду у народа, бессильная сотворить экономическое чудо. Социализм как система хозяйства обанкротился. Это знают рабочие и служащие, фарцовщики и члены Политбюро. Если смотреть правде в глаза, как полагается в эпоху гласности, партии следовало бы заявить: Мы завели вас в болото, но как выбраться не знаем. Как у Пастернака: Иль я не знаю, что в потемки тычась, вовек не вышла б к свету темнота? Указанное признание запаздывает, но не теряйте надежды, следите за новостями.

На заре перестройки Горбачев обещал партократам неприкосновенность диктатуры, а населению — лучшую жизнь. Одна цель как будто не противоречила другой: С детства был воспитан, что благо народа — высшая цель партии, в том же духе убеждали советники из школы "нового мышления". По правде, в этих попытках мало нового.

В студенческие годы нынешний генсек дружил со Зденеком Млынаржем, тем самым, который впоследствии

стал архитектором "пражской весны". Сегодня Млынарж про живет в эмиграции, а его московский друг возглавляет новый эксперимент по гуманизации коммунизма.

Двадцать лет назад чешское начинание задавили танками. Горбачев преуспел больше, но пока ничего не смог сделать для улучшения жизни народа. Итог легко было предсказать. Реформы обычно базируются на некоторой теории, например, свобода торговли, иными словами, на накопленных знаниях. В данном случае их неоткуда взять, достаточно вспомнить, в какое ничтожество были приведены социальные науки.

Поколение за поколением экономистов натаскивали в духе "доктрины Бори Янченко": у них — у нас. Это продолжается поныне: два мира — два итога, решающие преимущества социализма против неизбежного загнивания капитализма. Историкам было не легче, полагалось описывать триумфальное шествие Советской власти на фоне краха империализма. Что касается социологии, то ее долгое время вообще не полагалось, достаточно было марксистско-ленинского учения.

Засилье мракобесия в образовании и науке даром не прошло. В стране ощущается острая нехватка настоящих экономистов и социологов, хозяйственных деятелей, умеющих работать на рынок. Экономические дискуссии в прессе, как впрочем и исторические, пахнут нафталином, предметы споров схоластические, безжизненные. Получив свободу высказывания, ученая интеллигенция ударила в грязь лицом. Один доктор исторических наук даже провозгласил перестройку равной реформе 1861 года, это, мол, полное экономическое раскрепощение. С другой стороны, нужно было "отработать" поездку в Париж...

В интеллигентских сборищах цензура и невозмож-

ность говорить правду были дежурными блюдами. Теперь выясняется, что кроме разоблачений и реабилитаций либералам часто нечего сказать. Не умея осмыслить историю, они решают, кто виноват. Осуждая культ личности, подменяют исторические и социальные процессы поступками отдельных вождей, личностей. Беспомощность особенно заметна, когда речь заходит о двадцатых годах, самом трудном периоде советской истории. Удивительно следить за рассуждениями на тему, была ли коллективизация ошибкой. Обезземеливание мужика было результатом сложного взаимодействия между пролетарской диктатурой, госкапитализмом и крестьянством. Спорщикам это невдомек. Лишь бы выставить оценки Сталину и Бухарину...

Люди, не умеющие разобраться в прошлом, выступают с рецептами перемен, которые могут оказаться не менее разрушительными, чем бывшие затеи. У каждого теоретика свой конек, своя цацка. Один уповает на рынок, другой верит в экономико-математические модели, третий и вовсе сторонник бригадного подряда. Как и для Маркса, будущее видится простым и правильным, остается туда добраться. У нас чудесное метро, но как попасть в его нутро?

Между тем, Горбачев и компания теряют остатки веры в социалистическое, т. е. плановое, начало. У них теперь на уме спасительная приватизация хозяйства. Допустить частника, он же кооператив, везде, где возможно. Интересный кульбит для тех, кто недавно верил в планомерность, как в десять заповедей. Партийная верхушка больше не надеется держать под контролем экономическую жизнь. Не до жиру, другие заботы поджимают, одни национальности чего стоят. Сохранить бы монополию на власть, на собственность, что касается чистоты идеологии, то пусть ее. Хочешь наживаться —

валяй, но помни, кто хозяин, все вокруг в конечном счете наше. Про экономическую реформу еще говорят, но как-то туманно. Не поймешь, в чем она, сердешная, состоит. Закрадывается подозрение, она идет не по плану, что, может, вовсе нет этого плана, просто случаются наскоки и вылазки.

Интересно вспомнить, что начинал Горбачев с похода против алкоголя. Мне уже пришлось писать, что нынешние власти, видимо, не подумали, к чему привел "сухой закон" 1914 года. В деревню потекли миллиарды рублей: цены на крестьянские продукты выросли, семьи получали пособия за мобилизованных в армию. Купить, однако, было нечего: кожу забирала армия, водку царь запретил. Поступление продовольствия в город стало сокращаться. Что дальше было, известно.

Что дала нынешняя антиалкогольная попытка, пока неясно, но правительство бьет отбой. Газета "Правда" обрадовала жителей: вино и пиво снова продается в магазинах. Торговали — веселились... Казна ежегодно теряла 20 миллиардов, почти весь сахар уходил на самогон. Но за поллитра водки отдай все те же 10 рублей.

Грабительская цена, если принять в расчет уровень жизни в СССР и ядовитое качество продукта. Когда бы Горбачева искренне заботил вред от спиртного, следовало бы начать с сивушных масел в казенной водке, понизив их содержание раз в 10...

Очень может случиться, что широкая пропаганда рынка и рентабельности была затеяна, чтобы приучить население к мысли о неизбежности повышения цен. Мол, хватит государству субсидировать вашу еду и жилье, лучше работайте как следует. Дальше, видимо, планировали кампанию с призывами немного потерпеть — во имя светлого будущего. Это они умеют. В распоряжении

партии достаточно краснобаев, умеющих толково разъяснять временные трудности.

В том, что повышение цен пока не состоялось, скорее всего, виноваты поляки. В Польше правительство тридцать лет только и занято, что повышением цен. За каждой попыткой следует рабочий бунт и смена правителей. Так пришел к власти Гомулка в пятьдесят шестом. Скоро выяснилось, что его режим такой же хомут на шее народа. Повышение цен 1970 года вывело на улицу рабочих Гданьска, их встретили огнем. Убитых похоронили, Гомулку сменил Герек. Через десять лет, в пору рождения "Солидарности", он был свергнут, когда приступил к решению вопроса о ценах. Нынешняя ситуация катится по наезженной колее. Население в референдуме отвергло поднятие цен, но их все равно задрали. Несколько месяцев Польшу лихорадит. Задавят забастовку в Новой Гуте, бросают работу в Щецине и Гданьске. Недавно весь совет министров во главе с Месснером подал в отставку.

Нельзя отделаться от мысли, что нынешняя кампания привлечения частника на арендованные земли и фабрики есть тоже попытка ослабить контроль над ценами. Мы не виноваты, скажет правительство народных избранников, законы рынка...

7

У Советского Союза два лица. Обширная страна с плодородной почвой, разнообразием климатов, богатыми недрами располагает всем необходимым, чтобы население жило в достатке. Но не тут-то было. Традиции, социальная структура, отсталость толкают к экспансии, к централизации, к замкнутости и ксенофобии. Редкие

попытки реформ сменяются десятилетиями гнета. Неразвитость хозяйства, неравноправие держат большинство населения в бедности. Модель эта прошла неповрежденной через четыре революции.

В книжках написано, что путь из отсталости лежит через модернизацию хозяйства. Осуществить такую перестройку трудно. Своих ресурсов не хватает, потому что бедность. К ней добавляются неразвитость социальных институтов, невежество, отсутствие опыта. Деньги, машины и знания в изобилии имеются в развитых странах, но за свою помощь они требуют немалую цену. А ты, не забудем, беден. Советский Союз стоит перед подобной дилеммой.

С другой стороны, богатым странам нужны сферы вложения капиталов. У них огромные производственные мощности, но с каждым годом все труднее конкурировать с Японией и "четырьмя тиграми Азии": Южной Кореей, Гонконгом, Тайванем, Сингапуром. В этот клуб мечтает попасть континентальный Китай. Смещение мировой промышленности на ось Тихоокеанского бассейна постоянно давит на экономические и финансовые интересы Запада. Не в силах сдержать проникновение азиатов на традиционные рынки, включая свои собственные, американцы и европейцы целятся на СССР и Китай.

Запад не прочь принять участие в реконструкции советской экономики. Отбрасываются в сторону стратегические сомнения насчет модернизации потенциального противника и вероятного конкурента: не мы, так другие, те же японцы. Цель в том, чтобы заработать, еще создать платежеспособный спрос для своих товаров и технологии. Ход, таким образом, за Кремлем. Этот шаг нелегко сделать. Боязно ступить в неизвестность, где легко утратить свои привилегии, то бишь завоевания

социализма. Чтобы капиталисты могли вести бизнес в СССР, необходимы уступки, даже жертвы.

Традиционно иностранные капиталы были критическим элементом для индустриализации России. Когда они находились, рост был быстрый, как в пореформенной России — до самого семнадцатого года. Когда советская власть отказалась признать иностранные долги и интересы, Запад подсчитал убытки и отвернулся. Промышленность десять лет топталась на месте. Следующий раунд индустриализации проходил по новым правилам. Москве пришлось за все платить чистоганом. Средства были добыты ограблением народа, новым закрепощением деревни.

Если не стремиться повторить славные тридцатые годы, сегодня можно играть по другому сценарию, под названием "параллельная экономика". Главная предпосылка в том, что крупную социалистическую индустрию вряд ли удастся переориентировать на рынок. Черного кобеля... Не надо также забывать, что она технически отсталая. Рядом с ней нужно создать другую, новую экономику. Какая она будет — догадаться легко. Кто боится слова капиталистическая, может говорить конъюнктурная или как еще. Эту параллельную промышленность построят иностранные вкладчики (своих нет), привлеченные возможностью прибыли. Ежу понятно, что рубль придется превратить в конвертируемую валюту, коей он был раньше. На создание и поддержание валютных резервов уйдет весь экспорт. Сегодня выручку от продажи нефти, золота, леса, мехов в значительной мере проглатывает военно-промышленный комплекс.

Параллельная промышленность будет расти соразмерно с реальностью. Если дела у первых капиталистов пойдут ходко, в страну потекут новые капиталы, попытается власть взять их за горло — результат будет

предсказуемый. Увы, такой зависимости не было в эпоху первых пятилеток. Кремлевские мечтатели сначала утвердили невысказанные планы, а потом для их осуществления разорили народ, пользуясь диктатурой.

При развитии параллельной экономики отпадает необходимость и соблазн быстрой ломки существующей. Бюрократы, получив приказ, выполняют, не считаясь с жертвами. Иначе они не умеют. Быстрые перемены, когда хозяйству, основанному на государственной монополии, навязывают чуждые принципы рынка, таят в себе опасности разрухи. Она в свое время произошла не вследствие гражданской войны, не от бомбежек и артиллерийского обстрела, это все выдумки казенных историков. Разруху вызвали национализация промышленности и сворачивание денежного обращения. Когда хозяйственные связи разорвались, а стимулы исчезли, рабочие, а также служащие разбежались. Параллельный сценарий делает реформу более похожей на эволюцию, чем на ломку. Нет гарантии, что все пройдет гладко, безболезненно, но до голода, одичания и разрухи дело не дойдет.

Кроме конвертируемой валюты, для параллельной экономики потребуются другие условия западного пошиба, главным образом кредитные и юридические. Поначалу их вряд ли удастся установить и поддерживать по всей стране. Это приводит к концепции "зон свободной торговли", концессий. В Китае подобные зоны охватывают прибрежный район с населением свыше 100 миллионов. В Советском Союзе к этой роли больше всего подходят прибалтийские страны и Ленинград: легкость доступа, традиционные связи с Европой, не говоря уже о желаниях населения. Еще один кандидат — континентальная Армения, по причине зарубежных армян, которые,

похоже, готовы вложить деньги в концессии на старой родине.

Не так уж важно, кому будут принадлежать параллельные предприятия. Они будут платить налоги, давать работу, производить нужные товары. Недавно мысль о японских заводах на земле Америки многим казалась дикой, сегодня штаты наперегонки зазывают к себе Тойоту или Хонду. Не исключено, что будут и совместные предприятия, но в их широкое распространение плохо верится...

Цены на параллельные товары будут немалые, особенно поначалу. Но это будут неслыханные для советской действительности товары, которые сегодня только на черном рынке достаются — за совсем возмутительные деньги. Советский потребитель сможет выбрать: то ли рыскать по магазинам в поисках советского магнитофона стоимостью 40-50 рублей, то ли выложить сотню-другую за Филипс. Это будет реальная конкуренция, не химера, придуманная академиком. Какой будет исход этого сосуществования — захватывающий сюжет, который вряд ли стоит разрабатывать немедленно, слишком много неизвестных. Кто послабее, начнет сдавать позиции. Однако все равно населению не угрожают катаклизмы. Если социализм устоит, жизнь останется скудной, но это не будет катастрофой, как-никак эта система сегодня не дает умереть с голоду огромному народу. Приживется конъюнктура — жизнь в СССР станет больше похожа на западную, с избытком товаров, безработицей, взлетами и падениями.

Приезжие из Советии рассказывают примерно одно и то же: стало свободнее, материально по-прежнему скверно, все боятся, что Горбачев слетит – тогда станет хуже. Пессимизм понятный. Перемены неоспоримы, но они, как правило, относятся к интеллигентам или буржуазии: ослабление цензуры, поездки, бизнес. Народ ждет, не перепадет ли чего на его долю. Покуда всех делов – водка за червонец да сахар по карточкам. Слава труду, за пивом больше не нужно торчать около монополюшки, но не забыто, кто это придумал. Можно свою кухмистерскую открыть, это так, но не все сталева-ры умеют готовить филе миньон, соус пикан.

Двадцать с лишним лет назад одиночные граждане СССР стали требовать свободы, добиваться права говорить, что думают. Диссиденты почти поголовно пришли из обеспеченной интеллигенции, но за свои убеждения готовы были сесть в тюрьму. Даже умереть. Борьба за свободу выражения и информации привлекла мировое внимание. Григоренко, Сахаров, Галансков, Гинзбург, Буковский, Габай, Марченко, Орлов, Литвинов, Богораз, другие мужественные люди разорвали кольцо страха и молчания, выставили напоказ советский гнет. Нынешние уступки режима – во многом результат их смелости, упорства, жертвенности.

Сражаясь за права человека, диссиденты мало интересовались социальными вопросами, экономикой. Благодаря пристальной заботе органов у них на это не оставалось ни сил, ни времени. На этом фоне попытки рабочих собраться в свободный профсоюз прошло малозамеченными, вызвали слабый отклик. КГБ расправился с ними без хлопот. Интересно, что в Польше был другой обо-

рот: интеллигенты создали комитет защиты рабочих, КОР, стали советниками "Солидарности".

Когда Горбачев выпустил на свободу большинство политзаключенных, произвел другие послабки, в среде недовольной интеллигенции произошло замешательство, потеря ориентации. Как теперь относиться к власти? Чего добиваться? Гласность, возможность высказываться на прежде запрещенные темы сбивала с толку еще больше. Природа не терпит пустоты, учили в старину. На авансцене замелькали закаленные фронтеры, претендующие на роль новых вожаков. Они исповедуют и проповедуют либеральный конформизм. Интеллигенцию зовут стать в общий строй.

Эмиграция тоже не осталась безучастной. Зазвучали голоса в пользу диалога с советской властью. Разговор уже идет. Отметим, что стороны не спешат формулировать свои позиции. Собственно, правительству это ни к чему. У него, по замечанию Хармса, армия и флот, не считая казны, охранки и прочих инструментов власти. Эмигранты, вчерашние отщепенцы, изменники Родины, — другая статья. О чем они могут беседовать с державным партнером? Разные могут быть предметы: политический курс страны, переназначение главных редакторов в духе перестройки, министерские портфели, другие заботы.

Как прежде, как обычно, инициатива остается в руках правительства. Интеллигенция бьется над вечными проблемами. Например: что делать? Оно, правда, не все колеблется. Недавно прозвучал исторически аргументированный призыв поддерживать Горбачева. Мол, в отечественной истории за короткими оттепелями обязательно следовала мрачная и долгая реакция. При том альтернатива перестройке — общество "Память", такое дело.

Тут есть над чем задуматься. "Память" действительно активизировалась, пользуется определенной под-

держкой. Только поддержка в немалой мере исходит от правительства. Общество функционирует в открытую, его демонстрации и конклавы милиция не разгоняет, напротив – охраняет. Согласно конституции. Вожаки "Памяти" не прячутся от КГБ, иные из них занимают советские посты, платят партвзносы. Не будем спешить с выводами. Кто знает, но не исключено, что эта организация – хорошее пугало для интеллигентов, недостаточно восхищенных перестройкой.

Погромная агитация – не новость для советских людей. Как забыть разгул патриотического обскурантизма в сороковых-пятидесятых: первый среди равных народвождь, безродные космополиты, восстановление приоритета. Увенчанием было дело врачей... Кажется, что ультранационалисты давно бы спихнули генсека, будь за ними сила. Черносотенцы, Пуришкевич, тоже хвастали, что опираются на миллионы русских людей, но революция масс на удивление легко отбросила их в сторону...

Если настаивать на исторических параллелях, то почему не вспомнить девятьсот пятый год. Бездарная война вдали от дома открыла выход накопившемуся недовольству. И пошло: кровавое воскресенье, крестьянские волнения, всероссийская забастовка... Монархия поначалу уступила. Манифест 17 октября поместился на одной странице, но права давал изрядные – после векового бесправия. Граждане надели красные банты, упивались свободой. Политические партии вышли из подполья, речи произносились очень крамольные, шампанское на банкетах лилось рекой.

Лучшие умы России не обратили внимания, что рабочие все так же горбят за ничтожную оплату, что земли у крестьян не прибавилось. Недовольство нарастало. Декабрь принес вооруженное восстание в Москве, его подавляли пушками. Манифест не отменили, Дума засе-

дала, но слово взяла контрреволюция: военно-полевые суды, казни, карательные экспедиции, расстрелы без суда... Впрочем, я не настаиваю на аналогии с пятым годом. Мне не по душе революции и то, что за ними приходит.

24 сентября 1988 г